

М. Ларионов

Три жизни

М. И. Ларионов
Три жизни (сборник)

«ИП Астапов»

2016

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

Ларионов М. И.

Три жизни (сборник) / М. И. Ларионов — «ИП Астапов», 2016

ISBN 978-5-9907876-3-6

Предлагаемый читателям сборник «Три жизни» — третья публикация автора. Составлен им самим из произведений, написанных и изданных в разные годы, но перекликающихся общими смысловыми мотивами, что становится ясным в процессе чтения. На этом основании и возникла у него идея объединить их под одной обложкой. Название сборника не персонифицирует ни одно из вошедших в него произведений — является условным и только для данного издания. Автор, М. И. Ларионов уроженец Самары (на момент рождения — Куйбышев), но силой обстоятельств с детства жил в Москве. Ныне проживает в г. Жигулёвске Самарской области, периодически печатается в региональном журнале «Русское эхо» и продолжает своё литературное дело в области прозы.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-9907876-3-6

© Ларионов М. И., 2016
© ИП Астапов, 2016

Содержание

Неисповедимы пути	6
Часть I. На пароходе	6
День первый	6
День второй	10
Третий день	22
Часть 2. Метания	27
Часть 3. Утро вечера мудренее	35
Часть 4. Что день грядущий мне готовит?	40
Маленькая жизнь	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

М. Ларионов

Три жизни

© М. Ларионов, 2016

Неисповедимы пути

Часть I. На пароходе

День первый

Мерное журчанье за бортом, напёк солнца да сытость с обеда необоримо клонили в дремоту. Взгляд ещё цеплялся за строчки раскрытой книги на коленках, шурился, скользя по песчаным косам и зарослям осоки, а маслянисто-блесткие вспыхи на волнах уже навязывались в сон. Стоило же закрыть глаза, как тут же вскружённно летишь в оранжевой мишуре – сказывалась, конечно, и обеденная бутылка не совсем свежего пива.

Вот уже часа три после традиционно торжественного отвала от Нижнего, как по-прежнему называют горьковчане свой город, плыл наш пароход «Память тов. Маркина» вниз. Я ехал до Куйбышева, который мне тоже нравилось называть по старому, Самарой, – повидать родных, побродить по родным местам, вспомнить в них себя и отдохнуть душой. Давно об этом думалось, мечталось, да всё как-то не мог собраться – московская беспорядочная и отвлекающая жизнь затягивала. И вот еду, наконец-то вырвался.

С утра набегавшись в городской сутолоке, по жару, теперь, после обеда, я развалился в раскладном кресле у самого палубного ограждения и отдал себя спокойному беззаботному одиночеству среди нимало не интересующего меня пассажирства, успевшего в ресторане закрепить подъём первых впечатлений и отяжелённо расслабиться. Впрочем, уже пригляделся: никого мало-мальски вызывающего интерес – всё с детьми, да пожилой люд. Да и не хотелось никаких увлечений, ни ковыряющих моё свободное я разговоров, – здесь я предпочел уйти от всего этого, стать «человеком толпы». Правда, всё же заметил одну, по всему виду студенточку, – прогуливалась с объёмистым томом об искусстве в обнимку, названием на вид, рослая, чуть рыхловатая, хотя сложения недурного, – тип непрременной участницы всяких диспутов, конференций, похоже, будущая учительница или даже «вед» каких-нибудь гуманитарных наук. Приближаясь, она делала скосы в мою сторону и с гордым, независимым видом дефилировала мимо...

А почему бы и в самом деле не пойти вздремнуть, раз так уж сморило? Но жаль было дня – казалось, стоит только забыться, как день сразу и пройдёт, словно сбежит. А всё новое в нём – с самого приезда в Горький ранним поездом – переживалось с такой редкой легкостью и радостью свободы, так было желанно, что не хотелось ничего прерывать.

На палубе было оживлённо – в каютах устроились, пообедали, теперь настрой на отдых: кто читает, кто прогуливается, иные стоят у перил палубного ограждения, смотрят на берега... Детский визг заставил меня оглянуться: два карапуза бегали друг за дружкой, а третий в стороне, ещё незнакомо, но приманенно глядел на них. Дети будто окликнули меня, чтобы я тут же увидел, как к этому третьему, смотревшему мальчугану тихонько подошла девушка, вернее девочка лет 13–14, в черном спортивном трико, в красной вязаной кофточке и с красным ободком в распущенных тёмными волнистыми прядями волосах. Она кротко и ласково взяла его за руку и увела с палубы.

Я тут же отвернулся к реке. Увиденное промелькнуло таким выразительным, неуловимо близким, ожалив, что я взволнованно замер, сберегательно хороня в себе это мгновение. Сразу впечатлился весь облик девочки: подростково-худенькая и ещё от природы какая-то утончённая, вся она дышала удивительной обособленностью, тихостью тянущегося на солнце стебля. Но особенно лицо её – необыкновенно: в общем-то, и не сказать – красивое, но поразительно

какое-то интимно-болевающее для всего моего склада чувствования, что даже родило во мне тревогу обречения. Слишком большая разница наших лет, впрочем, эту тревогу развеяла – школьница-то? Ну уж и шутканул ты, братец! И всё же смутная радостная заинтригованность не оставляла – напротив, стало и вокруг всё как-то по-новому означено, соотнесённо с присутствием здесь, на пароходе, этой девочки.

К чтению теперь вовсе не лежала душа. Захотелось просто поваляться в уединении и повитать в приятных своих воспоминаниях недавнего, планах на ближайшее, не утруждаясь их обдумыванием, а – как понесёт по произволу фантазии. Кроме того, оставаться на людях после этого видения... нет – в каюту!

Одноместная квадратная каютка 2-го класса опять, как и в первый раз, когда получив ключ, я открыл её, восхитила своей уютностью и уединённостью – чего мне ещё и желать! После палубы здесь было тихо и полутемно от задвинутых жалюзи – и душно. Я приотдвинул жалюзи (никакого дуновения – идём, видно, по ветру), зашторил щель и лёг на очень мягкий и широкий диван, раскинув руки. Избавление сошло на смежённые веки, на всё тело, пошевеливаться не хотелось.

Итак – эта девочка. Интересно, интересно! Надо бы ещё посмотреть, присмотреться. Да вечером, наверное, выйдет на палубу, хотя бы с малышом погулять... А детей много едет, шум, визг. И в вагоне было полно с детьми, окна не открыть... Вчера в Москве – переполнен вокзал, всё едут, едут куда-то. А на улицах Горького народу! – вспомнилось утреннее предвкушение поездки, озарённость чувством радужной лёгкости жизни обетованной, и в тон настроению – ликующий оркестр Поля Мориа из распахнутого окна, музыка солнечных бликов... И хотя ничем не отвлекаемо, вольно поплыли образы сегодняшней спешной прогулки по городу, какие-то они были всё же калейдоскопически пёстрые, обрывочные, и преломлялись, будто сквозь слюду виделись, приобретая смутную, полную обещаний значительность...

Я открыл глаза как-то вдруг, словно закрыл их только что, – и понял, что какое-то время спал. От устоявшейся духоты всё тело оглушило тяжёлой вялостью. По тону полумрака в каюте день заметно постарел. Сон разбил его на две части и та, сияющая, приподнято-деятельная часть дня отделилась слитком чудесных памятных моментов. Теперь день как будто и не тот же, и всё в нём будет уже другое; и плывем, наверное, где-то уж далеко от тех впечатлений. Что-то непоправимо, казалось, упущено за это выключенное сном время. И стало жаль всё, что нечаянно прервалось, даже чуть грустно.

О – девочка? Да, ведь это была последняя поразительная минута той части дня. Не волнение, а как бывает в детстве на праздник, когда уверен, что тебе что-то подарят, и – ой, что же это такое может быть? – замороженный прелестью тайны, испытываешь лёгкое возбуждение – что-то подобное, но ещё легче, ещё неопределённой пахнулось во мне. Вот не это ли упущено? – может, пока я спал, она ещё выходила?

С усилием, я сел, огляделся. Занавеска едва колыхалась и, как посильней её вздувало, просматривались палуба, река, берег; в отдалении слышны голоса, неясное пожурчивание воды. Хотелось скорее увидеть, где мы теперь, что делается на пароходе. «Да может, и она сейчас на палубе?» – толкнуло меня. Я нарочито бодро встал, стряхивая сонливость, умылся несколько не освежающей скучной водой под краном и, захватив книгу, в нетерпении вышел из каюты.

На палубе сразу обдало ровным слабым ветерком. Я окинул взглядом пассажиров – красной кофточки не приметилось. Было так же порядочно народу, много играющих детей, – ничего вроде бы не изменилось. Но теперь чувствовалась в палубной жизни весёлая освоенность, беззаботная активность, немного тем неприятная, что такой переход от послересторанного расслабления совершился помимо меня, и жизнь пассажиров шла уже как бы опережённо.

А плыли мы теперь – как вовремя я вышел! – в местах дивных, родных той религиозно-тихой, левитановской Русью, которую мы-то, русские, в большинстве своём обретаем (и

то, не иллюзорно ли) всё по картинкам да книжкам, а живую вот узнаём со стороны, как мимо-лётные туристы. Из зарослей кустарников и трав невелика речка здесь втекает в Волгу; тут же на берегу, на пологом возвышении, замкнут мощными стенами с башнями стоит монастырь – пустой, заброшенный, с любовно когда-то отделанным в бело-розовых тонах пятиглавым собором, сейчас напоминающим мёртвое тело морозом побитого кленового листа: в щербинах да выбоинах, посеревший от болезни лихолетья, без одной боковой главки. Кресты, правда, хоть вкось и вкривь, всё же венчают луковки... А за монастырем ветхие какие-то сараюшки, амбары ли догнивающие, за которыми видна плотная кромка густого леса, владычествующего в этих краях безраздельно. И как-то не сразу в голову – да это ж Макарьевский монастырь, знаменитый Макарий, у которого *ярмонки* великие собирались! И речка эта перед ним – Керженец. Когда-то здесь кипели дела торговые, купеческие, на всю Волгматушку от Рыбинска до Астрахани... И вот – тишь, запустение.

Пассажиры сгрудились у перил – «объект старины» привлек внимание. К тому же он озарялся предзакатным солнцем, и весь был виден отчётливо, в тёплой яркости красок. И мир вокруг был омовен тем же весёлым светом, но не так веселящим, больше умиляющим, потому что этот свет прощался, и с этим светом всё прощалось...

Пароход сбавил скорость и стал разворачивать нас от этого вида к противоположному правому берегу, на котором по холмистому отложью простиралось обширное село с пристанью – к ней мы и направили ход. Может, сейчас девочка выйдет, к пристани?

Подходим – ага, Лысково, тоже название известное. Команды вахтенного в микрофон, гулко в дебаркадер урчит судовая машина, взбаламучено плещется теснимая пароходом полоса воды; а с обеих сторон смотрят люди: с пристани – наши будущие пассажиры, в основном мешочники-корзинщики до первого города с большим рынком, хватает и просто зевает; с палубы глядим мы, праздные путешественники, по-своему не менее любопытные: плыли, плыли, и вот вам пристань, селение, какая-то другая жизнь – интересно!.. Но красной кофточки и теперь не высматривалось среди наших.

В пролёте дебаркадера виделся прямо на сходнях расположившийся «к пароходу» базарчик: бабы с вёдрами помидор, огурцов, вишни, с крынками топлёного молока, с таранью. Желающих повертеться там, чего-нибудь купить, оказалось чуть ли не полпарохода. Сошёл и я к оживлённому торгу, потолкался, соблазнился на кулёк вишни – и назад. А на встречу уже с охалками бутылок пива возвращались из пароходного буфета довольные местные мужички (завозным-то, видать, тут не балуют).

Стояли довольно долго; на отвал нам трижды били в пристанской колокол – старая традиция, почти уже нигде не соблюдаемая на Волге, – и каждый раз пароход отвечал протяжным свистком с одним, затем с двумя и затем с тремя короткими присвистами. Снова команды – и вот уж отрываемся, кормой попирая дебаркадер, отчаливаем...

Меня начало уже просто занимать: что ж эта девочка? Такая уж, что ли, скромнуля-послушница? Или ничего её не интересует? А впрочем, если и не увижу сегодня, так ещё плыть-то нам! – два прекрасных длинных дня.

Снова развернулись по курсу следования, и я пошёл ещё с кормы посмотреть на село, на пустую отдаляющуюся пристань. Уже открылась с реки и более широкая панорама берега, с краёв села сплошь поросшая мелколесьем. Солнце словно загорело и обветрилось, и не походило уже на дневное, превращавшее площади Горького в жаровни, хотя воздух всё не остывал. Теперь оно, оглядываясь к нам последние минуты, оставляло в душе высоту умиротворения.

Присматриваясь, где бы засесть читать, я обратил внимание на девушку в оранжевом коротком платье с широким белым отложным воротником – она стояла у перил борта, довольно близко, но лицом отвернувшись от меня. Ещё открытие! Девушка была тоже совсем молода – лет шестнадцати, – но уже в её сложении виделась ладная тугая стать, обещающая развиваться со временем в плотную красивую фигуру. Показалась мне в этой девушке некоторая как бы

подача себя, как бывает часто, особенно в этом возрасте, – если ещё оказываешься и в новой обстановке среди новых людей: то и дело она переминалась с ноги на ногу, ясно, не от усталости, и при этом выразительно мягко покачивала бедрами; видимо, она чувствовала себя в поле внимания. Я переместился поближе.

Вскоре к ней подошла женщина – интересная, пышущая здоровьем, – в расцвете второй молодости, слегка пресыщенная благополучием, что читалось в её умных ласкающих глазах.

– Ты не озябла, Лариса?.. Афродита Германовна приглашает заказывать на завтра. Она уже пошла изучать меню.

– Ну, закажи мне что-нибудь вкусненькое. – Женщина (явно мать Ларисы) сдержанно и любяще усмехнулась:

– Что же вкусненькое? Пойдём вместе посмотрим. Кстати, и ужинать время.

Надо было пройти мимо меня, и когда Лариса, отходя от перил, повернулась, увидел я и лицо её. Широкое овалом, с гармоничными, но мелковатыми чертами, лицо, пожалуй, и красиво, но как-то приторно красиво, глаз не подпадал под власть невольного любования им, зато так и играла на этом лице власть соблазна, вряд ли осознанная, но излучаемая и взглядом серо-голубых глаз, уже томным.

Дочь и мать скрылись в двери. «Вот вам, сударь, и спокойное одиночество!» – усмехнулся я над собой, чувствуя, что снова «выбит из колеи», но в *другую сторону*: сначала та девочка с её таинственным непоявлением, нечто почти призрачно утончённое, – теперь же вот эта Лариса, чувственная и вся на виду, уж и имя знаю.

Ну что ж, всё это – завтра. А сейчас читать! Солнце уже садилось и девочку выжидать, пожалуй, бесполезно. Лариса-то, возможно, и выйдет ещё. Во всяком случае, всё это развлекало, наполняло предстоящие дни поездки новым интересом. Каким плоским тут показалось мне моё завтра, если бы... Воистину – мы живём *пока чувствуем* (а пока мыслим только, именно существуем)!

Читать, читать! Я ушёл на корму и устроился в кресле у самой сетки палубного ограждения. От кормы тянулась, на поперечных пологих волнах, широкая лента нашего пароходного следа, изгибаясь и постепенно растворяясь бурунами в дали реки. Волга в этих местах вихлястая – то направо, то налево переваливаем, обходя бакены, ещё не зажжённые, минуя вытянутые косы, мели, обозначенные желтелостью воды. А берега низкие, топкие, и бегут по ним далеко позади нас барашками волны от нашего парохода. Ни селеньица, на сколько видит глаз. И хорошо, легко так дышится этим вольным духмяным воздухом.

Чтение сначала всё как-то не шло, абзац за абзацем одолевался с трудом. Это было «Письмо незнакомки» Стефана Цвейга. Молодая женщина решается на первую и последнюю исповедь своему любимому, для которого всегда оставалась лишь неузнанной мимолётностью в каждой случайной несчастной встрече, и пишет ему письмо перед тем как покончить с жизнью, – но с такими предварениями, что несмотря на завязку (она полюбила его тайно тридцати лет), скучно: стараешься сосредоточиться, зажечь её рассказом, а внимание не улавливает. И незаметно, но вдруг, когда начала она, тоже нерешительно, о главном, – зажглось! Я схватил ритм, расчувствовал тон, и всё пошло на полудыхании.

Читал дотемна. Когда слова уж стали сливаться в щетинистые линии, пришлось подумать о каюте. А вечер был так хорош – прежде чем уйти к себе и залезть с книгой под абажур настольной лампы, захотелось пройтись по палубе, размяться, поглядеть, что делается на пароходе. Может быть, под покровом темноты, как пугливый зверёк, вышла всё-таки подышать предночной свежестью девочка; может Лариса где-нибудь опять стоит у палубных перил и с чуткой неподвижностью смутного ожидания всматривается в контуры чернеющего берега, ищет огонёк какой на нём.

Народ ещё гулял. В основном моционировали парами, иногда шли под руку втроём, и, проходя, вторгались в мою одинокую безмолвность обрывками своих душеладных вполголоса

разговоров. Вот и студентка, уже без учёного своего гробсбуха, прогуливается с какой-то молодой старушкой в шляпке, в очках; а вот спортивно пыхтя, прошагал мимо, выпятив полушарие брюха, невысокого роста полный мужчина в натянутом на помочах под самую грудь трико, погода вновь появляется, задорный, забавно бравый, – сколькими кругами он задался?.. Ларису я точно увидел, но с матерью – стояли беседовали, облокотясь на палубные перила...

В каюте с закрытым окном и зашторенной жалюзи меня огрузила та же духота – окно, настезь окно! Огляделся: при свете настольной лампы это был уголок особенно уютный. Как раз подходили, по расписанию, к Васильсурску – затеял я чай погонять. Не стал даже к пристани выходить, так славно было у лампы с книгой и кружкой ароматного чая. Но едва ткнулись бортом о дебаркадер, как мою сдобную булку с маком и превосходный мой чай цвета коньяка облепила вдруг налетевшая в окно зелёная какая-то мошкара – уже плавает в кружке, как зелёные чайники, налипают на одежду, на руки на лицо – спасу от неё нет! У лампы вился целый хоровод дрожащий, атакуя абажур; фонари же дебаркадера сплошь были окутаны живыми мерцающими гроздьями, сквозь которые и свет как будто слабее светил. Пришлось снова плотно зашторить окно. Впрочем, довольно скоро мы отчалили и, набрав скорость, пошли с ветерком, набирая и расстояние от страны зелёных мошек. Я откинул занавеску и с наслаждением – даже высунулся из окна – вдохнул прохладной августовской темени. Одна мысль о том, что меня ждёт завтра и все эти дни, вызвала преизбыточно счастливый передрог.

Мошкара несколько поветрилась, стала вялой, нелетучей, и уже не мешала совершать мне ритуал чаепития и внимать проникающим сердцем чужой отчаянно-одиноким страсти...

День второй

Спал я, как ухнул на мгновение в провал, а утром, проснувшись, не торопился пробуждаться окончательно, в полудрёме вспоминал, что было вчера, и опять слышал в себе смутную радость предстоящего.

Да, сегодня я наверно увижу эту девочку, затворницу. Будет, конечно, и пышная Лариса. Мелькнул образ студентки с большой и умной книгой. Но самое-то главное: все мы плывем, двигаемся куда-то по огромной реке, видим непрестанно меняющиеся берега и каждый раз, когда пристаём после долгой воды, – новых людей, их стороннюю для тебя, всегда любопытную глазу жизнь; и легко, беспечно – издали думается о них, навиданно-наслышано представляется, чем и как они живут.

Сквозь жалюзи уже доносился гомон палубной жизни. Отодвинув их, я увидел в бледном, ещё молодом свете реку, берег в густых зарослях, на потолке палубы игривые сполохи бликов воды. Высунулся – пассажиры уже бродили, сидели, уже играли дети. Новый день пошёл.

Подгоняя себя, я с шутливой весёлостью «проиграл» весь свой утренний туалет, перекусил наскоро и, захватив книжка – на палубу. Как из-за кулис на сцену.

Жизнь палубы уже вошла в свой беззаботно-оживленный порядок. Я огляделся – девочки как будто и не было вовсе на пароходе. Не видно пока и Ларисы. Рядом со столиком сидела студентка с нераскрытым фолиантом на коленках и глядела вдаль на берег. Решив время от времени прохаживаться с проверками, я сел на солнечной стороне и принялся читать, ещё с поминутными отвлечениями, но понемногу втягиваясь...

К середине дня, и начитавшись вдосталь, и созрев уже в тревожном любопытстве, я пустился в поиски. Обошёл снова всю палубу, затем, увидев, что туда ходят пассажиры, поднялся на крышу, где за рубкой и трубой, оказывается, загорают. Здесь было что показать ребёнку: капитанский мостик, огромное колесо штурвала в просторной рубке, мощный ствол курившейся трубы с надраенным до блеска медным свистком; да и необъятней открывались дали волжские, – но если уж на палубу она не выходила, как мог я за возможное принять, что отважится подняться с малышом сюда... Верховик гнал белые кучки облаков в чистых голу-

бых высах, но и здесь гулял свободнее, разметая тепло и так не жаркого сегодня солнца, – поэтому и загорающих было всего-то несколько мужчин. Далеко впереди глаз едва примечал в дымке частые разновысокие постройки, какие-то вышки, трубы как колонны, сквозь водные испарения как бы струисто растущие в мираже геометрически изломанной линии горизонта. По расписанию часа полтора ходу до Казани – не её ли предместья?

Я спустился на палубу. Да где же эта девочка? Была ли уж вчера-то? Может, ехала совсем недалеко и ночью где-то сошла? Это было бы жаль. Представить её лицо, так взволновавшее меня вчера, уже плохо удавалось, возникал едва только общий очерк.

Прохаживаясь в неопределённости: читать ли продолжать, или пойти в каюту поваляться, я увидел, как вышла Лариса, в том же ярком платье, и села спиной ко мне у палубного ограждения. Оранжевая пышка Лариса, ты-то вот не пропадаешь! Я прошёл мимо и, остановившись неподалёку, стал смотреть на берег, поглядывая на Ларису, – в сущности же, наоборот. Её взбитая сегодня и уложенная волнами причёска ей шла чрезвычайно, делала её женственнее, более дамочкой. Положив согнутую руку на перила, а голову на руку, она неподвижно глядела вниз, на воду за бортом. Скучно ей было, скучно и одиноко.

И девическая зреющая юность, и теребливый солнечный ветерок, и ничем не занятость томили её. И держало, держало её под гнётом благонравия, размеренной правильности, присутствия здесь, на пароходе, двух матрон с их неусыпной любовью и покровительственной общительностью. А в ней бродят-набраживают соки и блуждает тайная, робкая ещё грёза – не пестующее око ловить на себе... Я стоял на расстоянии не подозрительном, но вполне контактном; меня задорила игривость ощущений. Не знаю, успела ли она заметить мой манёвр, но теперь её привлекло оживление на реке: нас обгонял «Метеор», оставляя за собой длинный шлейф бурунной вспененности легко взрезаемой воды, а на встречу шла, величаво неся над поверхностью реки висящую носовую часть, гигантская нефтеналивная баржа, с которой доносилась репродукторная музыка.

Ещё и мысли не было подойти, заговорить, а тяжелеющее сглядывание всё труднее становилось прерывать. Ко мне были обращены пластически литые формы ровных подзагорелых ног её одна на другой единым тугим узлом торжествующе-неукрощённой плоти, они дразнили, они перебивали дыхание. Подсознательно во мне изменялось восприятие Ларисы – уже виделась не просто девушка как девушка, а представлялось в ней некое отвлечённо женское начало как сосуд, жаждущий излучения света, в котором он заиграет новыми гранями, преобразится, – и наполнения этим светом, насыщения его теплом... О воображение, лукавый враг наш, подстрекающий к действию, к познанию – к муче мученической!

Вдруг раздалась команда: «Первая смена обедать!», бодро прокрикнутая типичным нижегородским окающим голосом, – молодая официантка вышла на палубу созывать пассажиров к обеду. Лариса повернула к ней голову и – по линии обзора её ленивый взгляд остановился на мне – увидела. Нога с ноги снялась, руки потянулись к подолу платья – но я уже смотрел мимо, в даль берега, понемногу отводя взгляд, будто привлечённый ландшафтом, а её коснувшийся только вскользь. Когда же, выдержав время, снова взглянул, возле неё уже были две дамы. Мать её также одаривала улыбкой и, похоже, слегка журия, что-то мягко выговаривала ей. Вторая дама, надо полагать, Афродита Германовна, тоже улыбалась. Она была комплекцией попредставительней и ростом повыше, к тому же с большим пучком волос на затылке; брюнетка цыганского замеса, лицо она имела крупное, удлинённое, однако, желающее нравиться и оттого резковатое в косметических наложениях. Фигуру Афродита Германовна старалась держать в форме, о чём свидетельствовала подтянутость осанки, но форма её фигуры, раздаваясь-таки в полноту, вид имела, хотя цветуще пышный, всё же не вполне соразмерный в пропорциях.

Поговорив с церемонно-ласковой друг к другу совещательностью, все трое ушли, повинаясь, очевидно, зову официантки.

Не прогулять бы и мне, до Казани успеть пообедать. Ресторан, как решил я ещё вчера, не для путешественника в моём вольном духе, поэтому я спустился в столовую 3-го класса кают и так же спокойно и мило, без «этикетствований», отобедал в обществе трёх бабок из рыночных торговки да двух мужичков в углу, за жарким ломающих «беленькую» под молчаливо снисходительные взгляды, между делом обслуживания, плотной, широколицей молодухи-официантки.

После столовой сделал дежурный обход палубы, заглянул в ресторан: пообедавшая первая смена неторопливо разбрелась по каютам... Левый берег уже частил дачными домиками, впереди виднелись какие-то корпуса с трубами – Казань близка. А надо бы, хотелось немного поваляться после обеда, вздремнуть, тем более что собрался пойти посмотреть город. Да и соскучился я по каюте. Вошёл – она как келейка укромная в освежающем от ветерка в нашу сторону полумраке, в тишине, – упал навзничь на диван и пустился в мыслях по ожидающим меня впереди дням: в них Самара, в них светло и мило душе... Уже откуда-то издалека услышалось «Вторая смена обедать» – и удержало на грани засыпания. Ещё бы немного – и как раз ведь проспал бы всё царство казанское. Повалялся с минуту, медля сделать усилие, и вышел снова на палубу.

Уже виднелся разбросанный, низкорослый и видом с Волги невыигрышный город – собором да башнями Кремля, выглядывающими из гущи домов, лишь и разнообразился его «фасад».

Народ скапливался на палубе, подходили из ресторана ещё, из кают, многие уж одетые для выхода в город, – оживлённо разглядывали его панораму, спрашивали друг у друга кого что интересовало в этом городе. Я перебрал взглядом, скорей уж машинально, всех, кто был на палубе. Где же всё-таки девочка? Если ещё на пароходе, то неужели и в Казани не выйдет – погулять, посмотреть? Уж больше из упрямого интереса хотелось ещё увидеть, проверить вчерашнее впечатление. Вот студентка тут как тут, уже и принарядилась для выхода в город; рядом компаньонка её, та самая молодящаяся старушка в соломенной шляпке и с сумочкой подмышкой.

У всех настроение приподнято-ожидательное, стартовое: после лесистых равнин, высоких взгорий, диких зарослевых топей, мимо которых плыли мы, как в Ноевом ковчеге, на надёжном островке света, уюта, удобств цивилизации от одной кучки домиков до другой кучки домиков – большой город, толпы новых людей, машины, улицы, магазины! И всё это увиденное так свежо со стороны путешественника – но и в отвлечённости от путешествия, недолгой, потому и приятной при сознании, что ты тут никому неведомый гость, не связанный никакими делами, что дом твой приветный – ни к чему этому не относящийся пароход, который сегодня же унесёт тебя в другие края. И в этом – своя прелесть путешествий.

Все причалы были заняты пассажирскими судами, в основном типовыми трёхпалубниками, и мы подходили к одному из них, чтобы встать во второй ряд. Пассажиры потянулись вниз, к пролёту, которым наш пароход должен подравняться с пролётом принимающего судна. Всем не терпелось размяться, погулять по городу, посмотреть его достопримечательности – то и дело слышались вопросы: как проехать к центральному универмагу, и далеко ли рынок, и какие здесь ещё магазины хорошие есть. Конечно, было бы интересно и Кремль посмотреть... а сколько стоим, вопрос?

С сумкой через плечо беспечно спустился и я. Пассажиры затолпили весь пролёт и ждали, пока матросы затягивали швартовые, укрепляли трап. Взгляд мой блуждающий вдруг прикованно остановился, как на вспышке света, – впереди, в гуще людской, спиной ко мне стояла она, вчерашняя девочка. По одним волосам, по узким плечам сразу узнаванием кольнуло: она, наконец-то она! Всё-таки она здесь, эта девочка, здесь! Она есть! Вот и ждал, а получилось как неожиданно! «Чего это ты, гусь, так возрадовался? – боднул я озорно разыгравшее сердце. –

Ведь решено же – восьмиклашка, не старше, – и успокойся.» «А не чёрт ли с ним, что восьмиклашка! – резал другой голос. – Я её *вижу!* Это одно – всё! Боже, надо же!»

А люди стоят себе, окружают её, как ни в чём не бывало.

На этот раз она была не в красной кофточке (почему и не сразу заметил), а в светло-жёлтой кружевной, лёгкой сорочке с длинными рукавами, на которую свободно ниспадали пряди слегка выющихся каштановых волос. Сейчас я видел её только в спину, но снова пришло вчерашнее ощущение странно-волнующей какой-то отвлечённости, отдельности её от всего окружающего, в то время как всё окружающее одушевилось и зажило праздничной отмеченностью присутствия этой девочки. Глядишь, чуть остудиться реальностью, на пожарный стенд с вёдрами и баграми, на график вахт команды, на портрет Маркина, на шланг, свёрнуто висящий на крюке, – всё дышало её существом. Она же стоит среди скученных людей и видит всё, что делается, но смотрит словно бы со стороны, и совершенно не подозревает (где вы, биотоки!), что кто-то замеревший сзади толпы смотрит на неё в таком волнении.

Впереди задвигались, затолкались, тшась соблюдать порядок – дали выходить. На причальной площадке пассажиры бодро и цветасто рассредоточивались кто куда.

Я нашёл взглядом жёлтенькую блузку, каштановый спад волос, совсем было затерянные в общем потоке выходящих, и тут увидел с девочкой того мальчугана и ещё какую-то простоволосую девчонку ростком поменьше её. «В лицо, в лицо увидеть! И постараться обратить на себя внимание.» В несколько шагов я был уже рядом и, совсем близко обгоняя их, якобы машинально обернулся. Она посмотрела как на просто обгоняющего – и этот первый взгляд её был безлично приветливый взгляд прохожей, по настроению момента. Вылетев перед ними, я всей спиной, затылком почувствовал себя *на виду* и как на костылях расхлябисто понёсся вперёд, пересекая им путь. «Вот тебе и восьмиклашка! Спокойно пройти не смог, – подумал тут же, задыхаясь от возбуждения, а сознание торжествовало: – Но и она уже знает о моём существовании. Знает!» Отойдя к зданию речного вокзала, ещё оглянулся – они шли к грузовому порту неподалёку, где клювастые подъёмные краны разгружали или грузили баржи. Теперь она была в чёрных брючках и от этого показалась мне взрослее, женственно грациозней – светлая фея детей, которую они любят и слушаются. «Увидел всё-таки, а! – всё не отпускало с первой радости. – Ну, слава Богу – здесь; значит, буду, должен видеть...»

На троллейбусной остановке, конечной здесь, на привокзальной площади, стояла очередь, в основном наши же, пароходские, – поэтому ничего удивительного как будто бы и не было в том, что в троллейбусе я оказался бок о бок стоящим... проказы дьявола! – с Ларисой; руки наши держались за один поручень, могли нечаянно соприкоснуться. Мать её с Афродитой Германовной сидели напротив и, так как я весьма откровенно косил на её руку, плечо и лицо, – заметили и взяли меня на глаз, впрочем, как я расценил, довольно благожелательный... У центрального универмага троллейбус опустел – все наши пароходники сошли как по команде и рассеялись в городской толпе, окунувшись в свою родную стихию.

Я пустил время хоть обежать самый центр – магазины меня не интересовали, а почувствовать пульс здешней жизни – где же лучше, как не на улицах. Обратный шёл пешком по маршруту нашего троллейбуса, чтобы вплотную ещё ощутить город, который был для меня новым, ближе увидеть его людей; да и устать хотелось, приятно устать от ходьбы, от пестроты и шума улиц, чтобы с тем большей отрадой вернуться к спокойному отшибу причалов и жадно глотнуть речной, свежо одувающей дали – скорой твоей дороги, в которой не будет сожаления об оставленном. Шёл бодро, с удовольствием, так что подходя к речному вокзалу и вправду приустал и слегка даже взмок, хотя небо затянуло и было нежарко.

Наш пароход стоял теперь у причала, как длинный дом на площади, – трёхпалубники ушли. Стало открыто и пусто. Я остановился у угла здания вокзала, чтобы со стороны, уже отдалённый городской суетой, с этой чужой, ни к чему меня не обязывающей земли, посмотреть на наше кочевое жилище, заново услышать запах его души, вдохнутой случайным много-

ликим собранием людей, – и отойти душой, радостно зная: вот настоящее твоё, вольно обособленное, сейчас ступишь – и всё продолжится. Народу не было ещё, редко где замечался на палубе один-другой из пассажиров не прельстившихся соблазном прогулки по городу.

Взгляд сразу поймал красную кофточку на предносовой палубе 3-го класса. Ах, вот, значит, где её царство! Так-так! Фея приняла свой пароходный, первоначальный облик, тот самый, который именно всё искал я со вчерашнего видения, и теперь больше походила на золушку. И опять с малышом – он стоял на ступеньке лестницы, ведущей в люк верхней палубы, и озорно приседал – ему хотелось – и боязно было – спрыгнуть, а она держала его крепко за подмышки и, улыбаясь ему, слегка даже подбрасывала в руках. И все движения её были легки и как-то врождённо пластичны.

Я неотрывно глядел на них. Вот, оказывается, где едет она, эта девочка, которую я уж отчаялся было ждать и искать наверху! А туда-то, вниз, и не додумался спуститься – и в голову не приходило, так бы ведь и искал всё на нашей палубе (и – сошёл бы, так и не увидев!) А вот – само внезапно открылось и так долго и свободно мне подарено наблюдать сейчас. И ещё почему-то подумалось в тот момент, что вот это видение – ещё сейчас ты видишь! – останется в памяти на всю жизнь в ряду самых немногих дорогих, вот оно – оно ярчайше будет вставать перед глазами в самые, может быть, неожиданные минуты и в близком будущем, и в том, когда тебе будет много больше лет и мир в тебе и вокруг в который раз обновится и ничего не оставит от прежнего, кроме таких вот бликов памяти... Вдруг она повернула голову в мою сторону, увидела что смотрю, на секунду задержала взгляд – и всё разрушилось. Она сразу осеклась, и было издали даже заметно, как смутилась. Сняла с лестницы мальчишку и увела его в дверь.

Я спокойно улыбнулся – нет уж, теперь-то я знаю, где! И решительно пошёл к пароходу – оставшееся до отвала время хотелось повалиться в каюте, тем более что ощутимо заглодало, погода портилась.

В каюте было тихо и сумрачно при закрытых жалюзи. И славно дремалось...

Вскоре послышались голоса, топотня возвращающихся пассажиров. Корпус парохода слегка завибрировал – запустили машину. Недалёк отвал. И – хотелось снова в путь. Этот трёхчасовой перерыв уже и много. Пока гуляешь – вроде что-то видишь новое, узнаёшь; а возвращаешься – так давно, кажется, причаливали, уж и городом отнесло всю эту любезную душе атмосферу плавания – скорей бы, скорей бы опять всё это!

Оживление на пароходу с каждой минутой росло, и минуты эти веселят – чувствуешь приподнятость ожидания и лёгкую какую-то разудалость вновь беззаботных скитаний – в путь, в путь!

Однако отвалили скромно, несмотря на то, что грянула непременно при отплытии из больших городов «Славянка», да так устрашающе победно, что казалось, вся Казань слышала и вздрагивала при каждом громовом куплетном вступлении. Причал же оставался почти безлюдным. И на палубу вышли немногие, в основном из новых пассажиров – ещё проститься с провожавшими; на воде было очень прохладно, да и притомились, видно, после прогулки в городе, успев уже вполне переключиться на расслабленный стиль пароходного отдыха.

Сразу пошли энергично, и ветер усилился, стал совсем неприятен. Я взял книгу и решил сделать вылазку в 3-й класс. С видом гуляющего вышел на ту самую нижнюю палубку, где она играла с малышом, почти уверенный, что её сейчас нет. Да, никого. Рядом за бортом длинным усом быстро откатывалась с плеском широкая носовая волна, прозрачно-малахитовая в кружевных пузырчатых розетках. Окна все плотно закрыты. За каким-то из них она. Здесь, поблизости от носовой части парохода, было особенно ветрено и вряд ли она выйдет скоро.

Я вернулся на свою палубу, нашёл на корме где не дует и, устроившись в кресле, довольный своим уединением, ибо и тут палуба пустовала, сразу погрузился опять в эту пронзительную исповедь незнакомки. С каждой страницей, с каждым абзацем нарастала во мне едкая печаль от невозможности всё спасти, всё поправить для этой женщины, я как будто был свиде-

телем бессильным её любовного самосжигания. И с детской безоглядностью всё больше досадовал, осуждал, а вскоре даже с сердцем ненавидел этого всё никак не узнающего её любимого, баловня фортуны, этого писателя, у которого такая слепая память на *тип* – хотя бы – женщины, каждый раз, пусть и через годы, силой своего проявления перед ним напоминавшей о себе – тем более! – проявления каждый раз новой, и неизменно той же, святой, светящейся к нему любви – о, это просто неправдоподобно!.. Я отрывался, глядел мутным взглядом на берега, на появившихся пассажиров, вставал, прогуливался по палубе, совсем отчуждённый от этих людей, снова садился продолжать. Меня время от времени словно бы взламывало от какого-то нагара душевного, будоражило физически.

Вдруг я услышал пение – оно долетало снизу, из-под палубы. Заунывно и неуверенно затянул одинокий нутровой женский голос, мешаясь с журчанием воды от работающего винта, – в вечеряющей пасмури это вызывало гнетущее чувство чего-то дремучего, безотрадного. Голос был простой крестьянский – сразу представилось, как тут, под нами на корме расположились с едой, с выпивкой мужики, бабы, меж ними ютятся примлевшие от холодного воздуха дети. Мотив подхватил другой голос, молодой, ретивый, но менее чувственный, – и уже смелее, громче, взакрик пели оба в унисон, а кое-где еле слышно верным вторым голосом ещё подтягивал на низах, будто тужил о чём-то, усталый баритон. Совсем непохожее на то, как исполняют народные песни в концертах, вольное, безыскусственное пение вырывалось сквозь шум напряжённого движения парохода в пространство над рекой, не ограниченное никакими стенами, и далеко, должно быть, слышалось по берегам притихшим... Ещё распалённая чтением, душа вибрирует: слушаешь, недвижим, смотришь вокруг, словно внюхиваешься во всё, что впитал с молоком матери, и что узнал, и сразу принял, ибо всё совпадало, сходилось в сердце и продолжало его поить-утолять. Нигде так песня протяжная наша не звучит для русского, как на Волге.

Пение собрало на корме немногочисленный гуляющий народ: одни пригрудились к перилам палубного ограждения, с любопытством наклонив голову, другие, проходя, останавливались, слушали, незряче смотря вдаль; иные с удивлённо-снисходительной улыбкой обменивались взглядами, какими-то репликами, тут же и заговаривая о чём-то своём. Пришла и студентка в накинута на плечи фуфайке, села в стороне. Некоторые пары моционировали совершенно не реагируя, поглощённые своими разговорами. Каждому – своё.

После этой тягучей, несомненно от пращуров вынесенной песни, погода, те же два голоса – только сначала молодой, а затем в пару женский, что поглуше, – бойко, с озорством приурадили всем знакомую «Лиза, Лиза, Лизавета», без которой, пожалуй, ни одна гулянка дружеская у волжан не обходится. На припевах, когда просился особый подъём (ведь «на Волге тро-о-нулса лёд!»), подхватывали ещё голоса два молодых, бедовых, с задорным подыкиванием в ритм, готовых сорваться на смех. Тут уж им было не до строя, на горячем-то аллюре...

Я вернулся к чтению, но рассеянно, целиком уйти в книгу уже не мог. Не знаю почему, но за чтением вдруг возник – и не сам по себе, а ясно проассоциировался с этой *незнакомкой*, так и оставшейся никому незнакомой, – образ её, девочки, ласково и одиноко играющей с малышом. Отчётливо представилось то видение прямо на странице книги и понесло вспоминать каждую подробность, вплоть до обнаружения себя. И вот её взгляд – внезапный и прямой, на миг ждущее остановленный, – далёкий взгляд-перехват заметившей опасность косули. *Как* я ей увиделся? Что она подумала?.. Она тут же увела мальчика, а я усмехнулся: ну уж нет, теперь-то знаю, всё равно никуда не денешься! Сейчас же почувствовал протест охотника, нечаянно убившего... убившего никогда больше неповторимый и невозстановимо прекрасный кусочек жизни. Почему, почему я вовремя не отвёл тогда дула своих глаз!..

Какое тут чтение – я чувствовал себя беспокойно и несвободно: чем подробней вспоминал я и больше думал об этой девочке, тем сильнее меня охватывало волнение. Надо идти вниз – сколько времени прошло, я засиделся: может, она давно уже вышла на палубку. Вечер раз-

гуливался, уходя от казанской хмури, наливался теплотой закатно рдевшего света, который ласкал и приманивал, – как тут усидеть в каюте!

Спускаясь в 3-й класс, я на мгновение задохнулся сердцеце-рехлестом. «Ого! Это уж слишком!» – усмешкой пытался сбить напряжение. Однако на палубке никого не оказалось и я облегчённо, хотя и не без сожаления, вздохнул. Всё-таки решил на сей раз остаться внизу. В такой вечер, что-то говорило мне, не может она не выйти – а выйти может каждую минуту.

Перейдя на другую – закатную сторону парохода, я изумился неожиданному простору воды. Эта сторона реки всё как-то упускалась из виду – а тут предстала вдруг перед глазами от борта изобильно простирающейся до едва видимой береговой полоски вся насыщенная бархатистым тоном ещё первонежного багрянца косых лучей. Наедине с этой осиянной пустыней разлива меня охватило неудержимо возбуждающее какое-то торжество. Я перебрался в носовой отсек парохода, откуда открывалась даль ещё более необъятная, напоминающая море. Это уже раздавалось вширь Куйбышевское водохранилище. И где-то здесь должно быть Камское устье, ибо как раз в этих местах Волга принимает свой великий приток, сам подстать ей, – но в общем разливе уже не различить. Мы шли прямо на солнце, его размыто жидкий шар слепяще маячил на нашем пути, бросая нам золотоблесткую тропку по воде. Водная гладь резво убегала под нос парохода, заносчиво нацеленный в неведомую перспективу, и дух занимало скользить-лететь в этой далёкой оторванности от берегов вслед уже прошлому, уже сгорающему расточительным блеском дню. И в эту минуту думалось, что вот уходит день, и будет он самым незабываемым в моей поездке, дав мне больше и не раз увидеть эту девочку – и как увидеть!, оставляя в душе жённость читанного и, наконец, – эти песни на корме и сугубое моё чувство моей Волги, чувство родной стороны, которое не передашь и не *предашь* словами. Ну, и сами вот эти минуты, этот блистающий вид!..

А завтра? А завтра после обеда уже Куйбышев, завтра – день куций. Осознав это вдруг, я впервые почувствовал тревогу: тревогу, что завтра мне сходить – и все это оторвётся от меня и исчезнет из моей жизни. И девочка – которую я вижу редко, но вижу, но постоянно чувствую где-то здесь, в едином «жилище» со мной – тоже, тоже завтра! Даже испуг ударил... А ведь настраивался черпнуть покоя в своем дорогом сердцу, побродить по старым зелёным улочкам, дремлющим в провинциальной тишине ещё полудеревянных замшелых домов с кошками, да собаками, а то и курами по дворам, ехал, мечтая с затылками повдохнуть-понюхать, что осталось от моей детской Самары, – всё теперь омрачит эта поездка, всё будет немило, нарушено. Вот если... если подойду к ней, познакомлюсь!

Подойти? Но о чём, о чём, спрашивается, я с ней заговорю, с девчонкой четырнадцати лет! Да я попросту испугаю её... А может, просто заговорить с ней, ну как будто от скуки, между прочим? Но «как будто от скуки» – теперь не выйдет: слишком (и тут я с трепетом обнаружил, насколько это слишком) сама мысль о ней несла в себе волнение. Впрочем, посмотрим, ещё сегодняшний вечер, да завтра полдня – есть ещё время. «Только бы увидеть, а там как получится», – отбросил я всё на волю обстоятельств и этим как бы обманул своё беспокойство. Лишь заглядывал время от времени на её сторону и тут же возвращался.

Здесь, среди огромных катушек с якорными цепями и лебёдками, среди кнехтов и швартовальных канатов, между которыми иногда прошныривала, как мартышки, лазучая ребятня, перед этой необозримой водной равниной, играющей налётными переборами ряби и высверками солнечной тропинки, всё представлялось настолько далёким и обыденным, что и думать о том не хотелось, – точно лёгкое опьянение взвело меня и я чувствовал себя в этот медовый час вечера, в эту золотишку-минуту жизни, как не помню когда ещё, в иные дни детства разве.

Почему-то *справа* по борту увидел две спаренные баржи вдали, толкаемые навстречу нам буксиром, постепенно, однако, перемещавшиеся всё левее – и расходились мы, в странной близости на этом раздолье, уже левыми бортами: это, оказывается, поворачивали мы. Солнце

уходило нам вбок, и слабый бриз лицо овеял, зашевелился в волосах, – мы взяли курс к берегу, едва различимому на горизонте...

(Её всё не было, уму непостижимо! Что можно делать в этот час в каюте душевной, тёмной?)

...Берег незаметно рос, проглядывался неразборчивыми ещё штришками: дома, или какие-то признаки местности? Земля! – как давно, кажется, не было её! Сейчас даже тянуло к ней. К ней же сбоку от нас низилось солнце. Оно уже отпустило светом и теплом, обособилось в небе своей воспалённо-резкой краснотой и стало как бы чужое небу, и нам. Но я в его вечной красоте закате искал укрепиться перед тем странно-волнующим, что мне готовилось и чего, я чувствовал, не минуя...

Входим в обширный залив, полный старых, осушенных барж; в начале его нас ожидает пристань – «Затон им. Куйбышева». Место закинутое – лишь вдали высятся несколько многоэтажных домов, по отлогому берегу же сельцо тесно лепится неказистыми избами да хибарками, у дороги за пристанью – ветхие ларьки, лавки. Причаливаем, странники далёких краёв, внося возбуждающую волну в воды залива и в самую эту жизнь, такую же отстойно-тихую. Как раз швартовались правым бортом – её стороной, – и едва я перешёл с носовой части на палубку смотреть, как причаливаем – вышла! Следом простоволосая девчонка в халатике, за ней какая-то бабка вывела того мальчугана (вот, значит, с кем она?). В замешательстве первого вздрога (и ведь ждал, готовился!) я прошёл мимо них в пролёт, где привычно орудовали матросы, подавая на дебаркадер швартовые, концы которых накидывали на кнехты, травили, затягивали.

Лишь когда укрепились и началась беготня по трапу туда-сюда, решил вернуться, возмущённо подавляя минутную слабость – «этого ещё не хватало!» Открываю дверь – и прямо навстречу ей, оба даже вспрянули; она, чиркнув взглядом, потупилась, покраснела и, сторонясь, прошла в коридор кают. Сердце забухало в ушах; я отошёл в сторону и, облокотившись на перила борта, стал ждать, возвратится ли. Да вот и она – с двумя яблоками: одно дала девчонке и, кусая своё, встала у борта в неожиданно доверительной близости от меня – тонкая, с подростково-угловатой ещё фигуркой, как-то очень по-домашнему милая и трогательно опрошённая в своей вязаной красной кофточке и выцветше-чёрном, чуть отвислом в коленках трико. И в волосах опять этот ободок малиновый, так идущий ей.

Вот блаженные минуты, мгновенья! Вместе одно видя, в одном живя, мы с ней были – хоть иллюзорно, хоть на мгновенье – неразлучны. Я метил в себе, крепить тщился это состояние всем, что видел: вот мужики рыбачат на корме дебаркадера – и вот она! голышняя вон лазают по ржавому остову баржи – и вот она – со мной! и эта неизменная у всех пристаней по Волге забегаловка «Чайка», и избушки (кто в них таких только живёт?) вразнокривь толпятся по склону берега в глинистых оползнях, и вон лошадёнка с телегой, дремотно понуря голову, стоит, хвостом гоняет мух, – и вот же, вот она, эта девочка, и всё это не я, а это *мы* с ней! И вот ветерок пахнул на меня и на неё – одним, одним дышим!.. Да, в этой минуте была полнота чистого счастья: в затишьи жизни – с ней рядом, и смотреть на неё – *как* она смотрит, и прощущать – *что* она ощущает; и улавливать её восприятие, и постигать её пульс сообщённости с окружающим.

Она спокойно, по-детски мусоля, медленно грызла яблоко. Она его держала в ладони, большое зеленоватое яблоко, обхватив тонкими ученическими пальцами, и слегка морщила нос, когда кусала. Все эти чёрточки невыразимой мукой первого очарования отзывались в душе, исподволь связывая, связывая её... Чувствовала ли она, что смотрю, – не раз тоже спокойно и серьёзно взглядывала на меня, тут же и задумываясь. И вот в этом уже угадывалась замкнутая душевная зрелость, почему-то навевающая тень печали. Может быть, ясное видение невозможности? Может, более глубокое сердечное чутьё судьбы вообще?... – это вызывало участливую досаду. Но тут же изглаживалось самым несомненным фактом: *я был* в её настоя-

щем, был отдельно от всего, и по этим взглядам её казалось (или хотелось этого), что-то пробуждал в ней...

На верхней террасе дебаркадера подошли и встали напротив нас несколько местных размалёванных девиц, видно, не упускающих случая повертеться на виду у «проезжих», самым поглазеть на незнакомые лица. Похоже, это сделалось у них потребностью хоть какого-то выхода из принадлежавшего однообразия сонной здешней жизни, дабы самоутвердиться перед жизнью нездешней, где-то там кипуче интересной, пёстрой – и почувствовать в этом возбуждающую остроту ощущений. И вот, закуривают с этакой манерной лихостью, бегло стреляют глазами, бравадно, на публику, выплёскиваются:

– Ну ты, фикстула, отдай сигарету!

– Во чува! А я у тебя её брала?

– Пошла ты, мать, знаешь куда... Спички не получишь!

– Ша, бабоньки! Ни слова мата – пеленгаторы секут!

– Нинон, ты глянь, какой мальчик! – откровенный кивок. Глядит с вызовом, ждёт – заговорю ли, затем разочарованно отводит свои расписные. Нинон что-то такое пошептала ей, косясь в нашу сторону, обе ехидно всхихикнули и нарочито бойко заговорили о каком-то «красавчике Джоне» и деловом мероприятии.

Она смотрела на этих резвящихся красоток с простым далёким любопытством, как на невиданных странных существ, как-то непонятно себя проявляющих. И от этого во мне ещё взмыло к ней чудное, дивное!..

Ударили в колокол – пароход ответил сразу отвальным трёхкратно отрывистым свистком, оглушая эту захоластную тишь и эхом аукаясь в темнеющих унылых перехолмьях. Следом раздались скороговоркой команды «убрать трап! отдать швартовые!» Связь с пристанью, с берегом, с землёй кончена – задним ходом выбираемся из залива и – снова в путь...

Солнце зашло, но небо ещё отражённо светилось, лишь у противоположного, водного горизонта тускло меркло. Берег становился всё пустыней по мере нашего удаления, всё тоньше между водой и небом.

Бабка с малышом ушла. *С нами* оставалась ещё простоволосая. Я дрожал от напряжения и вечерней свежести, чувствительной на ходу. О девочка – опять она коротким своим взглядом ко мне, прямо и открыто, и тут же опустила глаза к бегущей воде и снова задумалась. И я не скрывал своего взгляда, даже не старался скрыть в нём то, что чувствовал, да и не смог бы, пожалуй. Я смотрел на неё так часто и притом так длительно каждый раз, будто стремился навсегда запечатлеть в памяти её лицо, её необыкновенное, *узнанное* сердцем лицо, – удерживать от времени, от предательской каждоминутной неизвестности хотел я это лицо своими затяжными взглядами. Ещё и ещё – на её склонённый профиль, на длинные выющиеся крупно волосы, на ломкую стройность фигурки, – я окутывал её, укрывал душой от всех возможных гроз и грязей, от обид и бед... меня продирали озноб осторожности. Приласканный минутой, я тщился постигнуть, что – вот она, тут, со мной, и мы уже как-то сообщены друг с другом. С ней был мне благодатный свет жизни – и ничего более не то что не нужно, *а нельзя*, чтоб и малейше не нарушить этого состояния.

«А как в ней всё – *благородность!* – вдруг открылось мне ясно. – И ведь чистая, не по наследству, нет, и не наносная – чувствовалось бы. А – просто, из прямого даяния, из *родника*. Бывает же... И сама-то понятия не имеет, а так и живёт, как живётся...»

За спиной открылось окно каюты.

– Танюшка, зайди-ко сюда! – голос бабки.

Сейчас уйдёт! Но Танюшкой оказалась простоволосая – нехотя прошаркала тапочками на босу ногу мимо меня в дверь...

И остались мы одни. Как специально отозвала! – я взвёлся буйной дрожью, смешно даже, и не унять... Вот – тебе дана идеальная возможность – заговорить, познакомиться. И она –

неужели, неужели ждёт? – неподвижно глядит на сумеречно переливающуюся откатную волну, не уходит. «Заговорить, сказать что-нибудь...» – стучало в голове; но я наслаждался нашей уединённостью. «Как смутилась сегодня, увидев, – вспала казанская картинка, – и вот, стоит, не избегает, не сторонится, мы – вдвоём». Да, вникнуть: сейчас девочка только со мной – и *только моя*. Перед всем миром моя! И ещё не перебито, не обозначено словом, ещё всё в таинстве дикой чистоты. Такой минуты – такой больше не будет, «не будет и для знакомства» – ввернулось напоминание.

Вода перед глазами быстро убегала, мерно журча, переплёскиваясь со встречными волнами, – похоже, летим на «полном впеprёд», почему-то торопимся, торопимся куда-то...

Она вновь посмотрела близким замедленным взглядом и так в мою сторону опустила глаза, заведя одну ногу боком на кнехт, отчего чуть капризно по-ребячьи изогнулась вполборота ко мне – мне даже не по себе стало. Вся непосредственность этой скривлённой позы заинтересованно присмирившего подростка, такое выражение привлеченности тронуло и ответно завело: «Смотри, смотри... пока дано, пока можно видеть», – повторял я, переполняясь нежностью. Это было упоение, какого ни одна иная близость дать не могла. «Ну что ты тянешь!» – опять подстегнул я себя и стал мучительно искать как заговорить, как – чтобы было естественней. Главное – начать. С чего? С тривиального в таких ситуациях вопроса: далеко ли едете? Или поинтересоваться – домой или в гости? Не воспримет ли она как дурное любопытство? Какое, в сущности, мне дело?

Ах, щепетильность! Ведь как-то надо же начать! А если разговор пойдёт, то можно будет там, для поддержания, и о мальчугане спросить, – да и легче уж будет.

Она опять взглянула в мою сторону, но... на этот раз мимо меня. Я оглянулся. Я мог ожидать увидеть кого угодно из парходских – но Ларису?! Подошла в накинутом на плечи жакетике и встала с другого боку от меня. Это было... ну прямо-таки «специально»! Каким образом она пришла сюда и именно сюда – не на другую сторону пархода, не на палубные проходы 4-го класса? Случайно? Но если б хоть что-то похожее на удивление, если б хоть тень смущения, просто от неожиданности даже увидеть здесь меня! Ничего подобного, всё как должное приняла без эмоций. Как-то увидела с верхней палубы, оказавшись над нами? Как бы то ни было, Лариса здесь – и теперь я стоял между ними. Мне представилась суть этого: я стоял меж двух начал – плотским и духовным, – судьба искушает, предоставляя этот извечный выбор. Я не мог сдерживать улыбки: классический треугольник, не угодно ли, романистов жёванный хлебец. Весело повернувшись к девочке как сообщник, как бы поделиться с ней своим недоумением, я застал её взгляд всё ещё в мою сторону – кроткий, отступленный взгляд. Она сняла руки с перил, стеснённо неловко повернулась и прошла сзади в коридорную дверь.

Ушла... Проснулось, спохватилось время. Как давно я здесь – уж смерклось. Стоим с Ларисой. Одни. Вот пожалуйста – заговаривай, знакомься. Тут проще, тут фактически сама подошла. Не нужно и усилий. Ну же, начни – и дальше само пойдёт: сегодня же вот здесь же и обнимешь, а там, пожалуй, и поцелуешь. Вспомни, какое влекущее, сочно изваянное тело угадывалось под платьем, как ты украдал любование литыми формами ног, станом. И это пикантное, холёное – стоит рядом, стоит, можно не сомневаться, для тебя. С Ларисой, если подальше смотреть, и ты будешь в холе, в заботе, в убогаторении.

...Но девочка ушла. Утихла дрожь волнения. И что такое ещё мелко зудящий червячок возбуждённости? – всё стало пресно обычным, тоскливо не имеющим смысла. И наступившие сумерки тут только усугубляли. «И именно когда настроился уж заговорить!» – Я хмыкнул с досады невольно вслух. Лариса поёжилась и, сдвинув руками борта жакетика, отправилась в дверь – в ту же самую.

Я остался один... Может, девочка ещё выйдет? Вряд ли, момент изжит. Правда, ещё будут Тетюши сегодня, хотя поздно, – на всякий случай всё же приду. А сейчас – в каюту! В каюте я заперся и, не зажигая света, повалился на диван. Я был обезволен что-то соображать. Только

знал, что ощущение действительности сковырнулось во мне; даже был момент, когда едва мог терпеть находиться здесь в упущенности того, что дали мне те минуты с ней. Несколько потом, когда стала возвращаться способность оценки, я подумал в тревоге, что не было этого даже после Казани, так открывшей мне её созерцанием издали, а что именно с *этих* вот минут, с того, так недавно прерванного, стояния рядом, её существование стало властнейшей, подавляющей силой в моей жизни. И тут я с ужасом сознаю близкую возможность непоправимого – как многократно усиленная производная той внезапной тревоги, которая охватила ещё на носу парохода в закатный час, – в такой шаткости, в такой отнявшей её тьме произвола судьбы было оставлено... Сейчас мы плывём ещё вместе, пусть в разных, загороженных десятками перегородок местах (думает ли она там обо мне? и как думает?), но в одном обиталище, торопко и деловито в темноте несущем нас пока в одном направлении. Пока моя жизнь и её жизнь параллельно единым движением текут в завтра. Пока... Но завтра! Так легко, так само собой завтра всё разорвётся и всё наше, общее, станет по отдельности: в Куйбышеве – непредставимо моим, а на этом пароходе – унесённо её. Что же, что же делать! Выйдет ли она Тетюшах? Если выйдет, тут уж не тянуть – сразу подхожу!

Я поднялся, зажёл свет. В такой решимости я несколько успокоился, сходил за кипятком и сделал себе крепкий чай, так просто напомнивший уже невозможную для меня, а на самом деле всё ту же, как обычно, спокойную действительность. Установив себе срок, до которого всё равно ничего не может состояться, я оградились от дум и от самого положения своего чтением, вернее, уже дочитыванием цвейговской новеллы. Но добро бы, вещь была отвлечённо-событийной, или приключенческой, увлечшей бы иными представлениями, в иную, далёкую область вымысла, – а было всё о том же: о поражённой до основания, вопиющей в пропасть душе. И от чтения, тем более от приближающегося конца этой мучительной истории меня не переставало лихорадить нетерпение сердца. Но за этой историей, быть может, сильнее питало возбуждённость мою ожидание предстоящего, занозившее во мне само ощущение реальности. Дочитывать оставалось совсем немного, и вскоре я оторвался от последней, опустошающей фразы. Долго сидел, закрыв глаза и не двигаясь; снова перечитал последний абзац – и снова замер. Лихорадка отпустила – нашла оцепенелость надрывной печали. «Ещё и это в сегодняшнем дне! – шевельнулась мысль в болезненном угнетении. – Господи мой, как всё это велико и нелепо между людьми! Как корчатся и коробятся души, скрежеща друг о друга!..»

До Тетюш я не выдержал, вышел на палубу, уже пустую во мраке, и всё бродил, ёжась от встречного холодного ветра ночи, всматривался в отчуждённо-бурное передвижение за бортом, в какие-то красные огни, что впереди маячили широким треугольником, и ещё больше, чем от зябкой августовской тьмы, стыл от безысходного, выбившего меня ещё пуще из колеи конца рассказа, сейчас особенно чувствуя поразительную последнюю фразу... Треугольник красных огней оказался кормой баржи-самоходки, шедшей перед нами, – вскоре, мы обогнали её. Навстречу же нам из темноты выросал хрустально светящийся островок, с вершины которого сверкнуло несколько кварцевых вспышек. Тут же над головой в ответ мощно запульсировал металлически резкий свет от нас, белесо выхватывая угрюмое пробегание темно-коричневой взволнованной массы за бортом. Ночная своя таинственно-осмысленная жизнь на реке... зовуще томила в ней неизвестность, затерянность, и сильнее болела этой товью судьба незнакомки... Островок с приближением вытягивался в длинный нарядно освещенный – вспыхнув всеми палубными огнями и сумбурно отражаясь ими на волнах – четырёхпалубный громадину-теплоход. И мы приветственно зажглись. Он поравнялся с нами, утробно едва урча, и с тихим шелестом воды быстро отнёсся нам взад, весело поманив музыкой с кормы, полной шевеления теней (там были танцы), сжимаясь опять в приглашенный поблёскивающий островок...

Да, уже ночь, ночь. И конечно, девочка к Тетюшам не выйдет... Как всё переменялось за одни сутки! С какой радостной, обещающей надеждой я смотрел в будущий день вчера, – и с какой тревогой сегодня ожидаю дня завтрашнего!..

Зажглись палубные огни – к Тетюшам; наконец-то. Небольшой причал, уже морского типа, дремал под тусклыми фонарями у самого подножья крутой горы; ни души. Я спустился на палубку, теперь *нашу с ней*, и встал на том самом месте. Швартовались с подсветкой своего прожектора. Пронзительные звонки командирского телеграфа и одиночные, отрывистые команды с капитанского мостика гулко-звучно нарушили сонную тишину безлюдья.

Я выдержал эту позднюю стоянку до конца, хотя задрог и хотел спать. А стояли мы долго – забирали груз. Матросы с наспинными подушками молча сбегали, громыхая по трапу, на причал, а обратно уже шли под мешками с картошкой, потом какие-то ящики таскали по два на горб, тяжело пружиня шаг и наклоняясь вперёд. В стороне стояли дежурный причала и капитан. Мне нтерпелось уйти; невероятно, что девочка сейчас может ещё выйти. Похоже, я вообще один в этой унылой холодной глуши высунул нос, охота пуще неволи. Но я потом хотел быть спокоен и потому всё-таки стоял – уже и не ожидая, – смотрел на беготню погрузки, на причальные строения, вглядывался во тьму берега, что там за причалом.

Отвалили мы тотчас, как только закончили грузиться, даже как-то поспешно, и, круто набирая скорость, пошли, пошли дальше в непроглядную черноту водной пустыни. Тетюши удалялись светлым пятном причала да редким на горе созвездием избуных огней, от уменьшения которых тьма становилась всё плотней и огромней. Вдруг у меня на глазах причал погас – светлое пятно исчезло, и на его месте сиротливо тлел едва видный огонёк сродни тем, что ещё задержались в некоторых избах. Видимо, там больше не ожидали сегодня судов, и это было обычным завершением работы причала. Но озноб содрогнул плечи; с неприятным ощущением я мнительно отбросил вон это видение и, не глядя в ту сторону, пошёл в каюту.

Закрывшись у себя, я сразу почувствовал тяжёлую омрачённость и тут понял, с какой всё же силой надежды вопреки явной, заведомо определённой напрасности я ждал, особенно вначале нашей стоянки, что вот появится девочка. Послушная голосу сердца, или просто зову смутных надежд – почему бы и нет?..

Итак, на сегодня кончено. Завтра ещё полдня в моём распоряжении. Такого момента, как сегодня, конечно, не будет, такой момент – он один. Высший момент этого дня, может быть (себе-то что лукавить), чудеснейшего дня в моей жизни... Что же будет? Со стоном сел я на диван, включил настольную лампу, огляделся. Моя каютка, мой полуночный мир! Завтра, завтра, завтра мне с тобой расстаться... Как изменчиво, скоро и невозвратно всё в этом мире бесконечном, безразличном! И словно ослушиваясь его украдкой, под глухой завесой ночи, вот этот мой маленький мир пока хранит, укрывает меня, внемлет мне. В это же время завтра я давно уже буду вырван из него. Властной лапой того мира – судьбой. И я притих, с горечью прощания наслаждаясь одиноким бдением в уютном тепле полумрака, лоя и стараясь запечатлеть в себе каждое мгновенье.

Но чтобы не дойти до состояния «разжижения души», насильно встрепенулся. Ничего! Главное – она смотрела – она смотрела – я вошёл в её жизнь. В конце концов полдня – это тоже что-нибудь да значит! Только... будет ли дана ещё возможность? Я словно балансировал на краю пропасти, тревожное ожидание нутряным током держало, точило меня.

Уже улёгшись, перебрал в памяти и снова проосмыслил все мои сегодняшние видения её, в особенности, конечно, наше стояние на палубке внизу. О, здесь что-то не случайно, верил в это, – а послано мне, для меня! И вот – неужели завтра?, неужели...

Ночью внезапно проснулся. И первое, что услышал, – гулкое плесканье воды, звонки с капитанского мостика, редкие команды – швартуемся. Поглядел в щель жалюзи – чалим к борту теплохода, огни. Да ведь это Ульяновск – и по времени вроде так!

Но спать! Завтра, что-то ждет меня завтра? Обречённо защемило на сердце. Ещё немного ночи – и до Куйбышева останутся считанные часы...

Третий день

Сон был беспокойный, вновь я проснулся чуть свет – и удивился тишине: мы стояли. Неужели всё ещё Ульяновск? Притянулся к шёлке жалюзи и вижу: в белесой немой рани утра аккуратный, в клумбах цветов, причалик с небольшим вокзальным зданием, на здании крупными лепными буквами значится: «Сенгилей». Вдоль клумб сидят рядком несколько бабок в телогрейках или пальто, в тёплых платках, с ведрами разносортных яблок – ждут, будет ли торговля от этого уж больно раннего парохода. Неужто пассажиры не знают самого яблочного места на Волге – где ещё такое: ведро за бесценник, почти что даром, и какие яблоки! – нет же, спят! Понятно дело, сейчас самый сладкий сон, да ведь яблоки-то – сенгилеевские! Правда что непутёвый какой-то, этот раненький! И всё же терпеливо ждут, косятся на нас, переговариваются, – видать, уж в привычку им это выходить каждое утро к «самому первому»: авось повезёт, и продадут ведёрко-другое, не все же сони... Вот как раз выбежал к ним первый помкапитана с рюкзаком – пожалуйста, родимый, выбирай, какие приглянутся, все красивые, все сладкие! Режут наперебой ножичком из своего ведра, дают попробовать... Я откинулся на подушку.

Сегодня! Уже – сегодня! Уже всё идёт по-иному. И я себя чувствую наполовину уж отторгнутым от налаженной жизни пассажиров, которым ехать да ехать вместе, сблизиться, узнавать новое. И в этом новом отдельно, но здесь же – останется она, моя девочка. Ещё попутны наши с ней жизни и я её, конечно, ещё увижу до Куйбышева. Как хорошо, что я это так ясно сознаю. Ведь уже сегодня – сегодня же! – эта возможность будет неумолимо отнята, – оглянуться не успеешь, как пролетят эти несколько, пока кажется, медленных, часов нашего общего здесь нахождения, и вечером я, снова уже в постели, в тихую минуту до сна очнусь перед фактом таким: *больше я не увижу её!* – и в угаре тоски вспомню моё теперешнее утреннее состояние. И в *том* моём состоянии наступит другая ясность, другая правда – что утром я всё-таки не ценил по-настоящему этой простой данности, что я ещё на пароходе, где и она, – и могу увидеть её, *ещё всё цело*. Сколь обманчиво одно состояние по отношению к другому сейчас – и будет *тогда!* Да что я, будто уж *знаю*, что так и будет! Неужто так и не подойду? Нет-нет, я же решил! Лишь бы благоприятный момент выдался. О, если б удалось хоть адресом зацепиться за её существование! Я стал обдумывать свой подход, представляя разные ситуации. Надо было и настроить себя заново, подготовить – сон погасил накал решимости. И вообще жаль ломать эти утренние скрадно утекающие минуты, хотелось потянуть их, пока всё так же неизменно дремлет, как оставлено вчера, – пока она в такую рань спит...

Мы уже плыли. Мало-помалу начинали прослушиваться шорохи, отдельные голоса, хождение. Встану-ка всё же пораньше.

Уже и в каюте, в постели, было прохладно – на палубе же, неприветно-голой, влажной, я сразу попал под бьющую холодом струю ветра. Утро серое, вялое, водный простор ходил бурунами в хмуром разгуле беспорядочных волн. Я подошёл к перилам. Вода внизу матово-зелёная, вязкая – «цветёт» рукотворное море тут всюду. И плавают-качаются щепки, какие-то обломки, арбузные корки, полиэтиленовые пакеты с отбросами, нет-нет блеснёт белым брюхом качаемая волнами рыбёшка, кольнёт глаз неестественностью положения...

Я прошёл поближе к носовой части по её стороне и перегнулся через перила заглянуть на нижнюю палубку. Конечно, никого, всё-таки рано ещё. К тому же пасмурно. Часа два верных можно не беспокоиться, разве что к Тольятти, следующей стоянке нашей, выйдет посмотреть. Повернулся было пойти снова в каюту и тут же опешил: да вот она! Сидит у стены, одетая как вчера в Казани – в жёлтой кружевной сорочке и черных брюках. Что делать!, нет, только идти как шёл! Пройти и сесть вон в то кресло, взять себя в руки. Медля шаг, я приближался. Она

легко повернула голову и посмотрела на меня так же спокойно просто, как будто вовсе и не было нашего вчерашнего стояния рядом, наших взглядов. Едва держась в наружном спокойствии, я прошёл мимо и сел невдалеке.

«Как я сразу-то не заметил, пролетел на нос!.. Ага, нам не спится... А что это она вышла сюда? И оделась так, чтобы сюда?..»

И не холодно ей...» – сталкивались первые нервные мысли. «А ведь она раньше увидела? И видела, как я перегнулся посмотреть на её палубку – всё видела!» Я, правда, не был уверен – поняла ли, что я не просто посмотрел, а проверить, нет ли её, – но тем не менее испытывал радостную смущённость, что так ненароком выдал-таки себя.

На палубу выбежали дети, мальчик и девчурка, и завозились перед нами в перебежках друг за другом. Тоже ведь, не спят, и одни, без пригляда. Смотря на них, я тихонько соображал: она пришла сюда – с чего бы это? Неужели из-за меня? Может, невольно, гуляя – но что бы иначе ей делать здесь? Одной! Значит, думала, значит, вчера – не бесследно для неё?.. Взгляд непослушно соскальзывал всё к ней и всё дольше задерживался на заострённо-тонком профиле её, уже таком сроднённом столькими лелеющими взглядами и мысленными представлениями, на кротко и серьёзно смотрящем глазе, на рассыпчатом волнопаде женски милых, зовущих ласково потрогать их, её волос.

Она тоже смотрела на детей, покорно и словно бы в лёгкой грусти об их безмятежности. Было удивительно видеть её здесь, смиренно сидящей на этот широкой и пустой палубе. Вот он, момент тебе ещё один, как ты молил. И опять – видишь? – ждёт! Она – ждёт? А что бы иначе ей тут сидеть? Так решайся же! Да-да, сейчас, вот сейчас... Боже, ну как же, как подойти, научи, как заговорить с этой девочкой! Ах, можно бы найти и сил и слов, будь я ну хоть сколько-нибудь спокоен. А схватила самая неудержимая крупная лихорадка – ещё от внезапности, что ли, – парализующая волю, всё перепутывающая в голове. И я всё оттягивал эту новую возможность, после всех дум и призраков беды такую же до смешного простую и верную, как открытая дверь в спасение – вот оно, только шагни! И кресло вон рядом... Сейчас, сейчас, чуть отпустит взвинченность – подсяду и всё сразу определится. И сразу станет легче с первыми словами моими, её, – первые, главное, сказать.

Девочка тихо встала и ушла.

Меня словно присосало к месту. Опять! Да что в самом деле! Такой момент!.. И уже второй! Я почувствовал, что это уже на *моей* совести. Что и для девочки тут возникла какая-то уже пагубная осечённость... Теперь-то как же подойти с непринуждённостью пассажира «склонного к общению»? Как будто вполне приемлемое *до* этого – теперь будет отдавать беспомощно маскируемой неестественностью.

Но и что другое тут оставалось? «Да нет, что я, разумеется, подойду! – возмущённо отмёл я все сомнения. – Тут уж как получится. Это же самоубийство – затерять её в неизвестности!» Я вскочил, словно затерять её мне грозило сию минуту, и пошёл, побежал вниз – теперь всё только там. Внизу, направляясь в 3-й класс мимо машинного отделения, в его сквозные окна увидел: идёт себе по параллельному проходу с другой стороны, причём обратно – возвращается, что ли. Я повернул было назад, чуть выждал, чтобы тоже вернуться, но не следом за ней. Вдруг смотрю – идёт в начале уже моего прохода навстречу – как так... видно, просто обошла зачем-то машинное отделение? От неожиданности аж испугался, ноги чугуном налились, снова замешкал – и опять, и тут мы одни! И она, идёт, идёт мне навстречу, эта грациозно худенькая девочка, и несёт мне свой открытый, вопросительно привлечённый взгляд. Остановить? заговорить? Но как? – ни с того ни с сего – о чём? Нет, лучше потом, на палубке – вернее. Мы приблизились друг к другу – вот её лицо, прямо на меня устремлённые глаза – и она почти не отстранилась в узком проходе, едва сбоченясь, и я замедлил невольно шаг – расходясь, чуть задели одеждой, словно осенились друг другом. Но взгляд её уж был опущен...

Можно подумать, что нас упорно что-то сталкивает, торопит, ставит в благоприятные условия, – и от этого, сквозь каianie и ругание себя, становилось обнадёженно, что знакомство совершится, пусть неумело, но, в общем, даже нетрудно. Ведь и она стремится к нему, ведь мы *уже* тайно сближены.

И всё же, всё же что-то внутренне тревожило. Хорошо так думалось само по себе, в отсутствие её. А вот увидел – и снова какой-то взбудораживающий психический стопор! И получается-то всё как неожиданно. Будто мне нарочно испытание. «Засуетился ты... а это уже плохо», – хмурясь, подсадовал я, заставляя, однако, себя собраться и действовать обдуманно.

Теперь я знал, что она ушла к себе и, погодя, отправился на её палубку.

В носовой части два матроса красили пол, кнехты; резко несло свежей краской. Я смотрел, как разветвляется молочное утро, проявляются дали, и ждал: вот выйдет, вот выйдет. Довольно отдалённый берег наращивался горами выше, выше – и уже напоминал Жигулёвские места. Да ведь точно: впереди, в белесой дали, едва просматривалась длинная ровная черта, заграждающая весь водный путь, и на ней смутно маячили большие «козловые» краны – это уже плотина Куйбышевской ГЭС. Новый приступ волнения ожёг меня – от ГЭС каких-то часа три до Куйбышева. В эти три часа должно всё решиться. Надо, надо успеть прорваться из моего неопределённого нервного состояния – в *то* чудесно преобразующее всю жизнь, что обещается с *ней!*

А вода вблизи так быстро, так стремительно несётся мимо.

Наконец, вышла. Едва заметив меня, прислонилась к перилам, обхватила их подрагивающими пальцами и тоже склонила взгляд на откатную волну. Сердце заколотило... опять! – «Ну вот! Ну подходи же, подходи, вперёд!.. Но что это она?» – я заметил в ней явное беспокойство – кстати ли будет подойти мне сейчас со своими дорожно-праздными вопросами? «Да нет, ведь опять момент! Ну? Ну!»

Она оторвалась от перил и вяло ушла в дверь.

Я бессильно закрыл глаза. Что я делаю? Что с *ней* делаю! «*Это уж мне не вставится так*», – промелькнуло ощущением скорее, чем мыслью, и сразу же с неистовой безоговорочностью решилось: «Подойду! Теперь-то уж подойду, только выйдет!»

И точно – вскоре опять вышла. Но следом за ней вышла бабка. Они встали у борта: она – спиной ко мне, – будто ища опоры, смотрела на бабку, бабка же, укутанная в пуховой платок, в заношенном обвислом пиджаке, как старая грузная птица перед тем как учить летать своего легкопёрого птенчика, зорко с улыбкой приобщения оглядывала берег, будто узнавая в нем милые сердцу места. И что-то, шамкая губами, говорила.

Матросы с вёдрами и кистями постепенно передвигались к нам на палубку, резче пахло краской.

Я неотрывно смотрел в спину девочке. И она обернулась – обернулась ко мне откровенно, как-то признательно, с томной усталостью в дивно светящихся глазах, мучительной нежностью наполнивших меня. Потом – опять к своей ничего не подозревающей бабушке; вытянула по палубной подпорке руку, схватившись вверху, к руке головой прильнула, вывернула одну ногу по-балериньи на носке – всю-то её ломало, изнудило. Как ребёнка, которому невмоготу уже было настрого веленное терпение. Спустя минуту они – как будто вздохнули обе – вроде бы к чему-то другому приступая, ушли.

Я невольно сделал несколько шагов к двери – матросам ли бессознательно место уступая, за ушедшими ли машинально потянулся, – что-то заныло на душе. Неуместно, одиноко и ничёмно стало мне на палубке при людях, занятых здесь своей работой, никак не касающейся до нашей пассажирской праздной жизни. Но ведь нигде больше я не найду себе места. Да и оттягивать дальше нельзя – решил оставаться здесь ждать до последнего, пока не подойду. «Тут-то красят, вряд ли выйдет сюда, – прикидывал я. – Разве только на другую сторону... Выйдет ли она вообще-то до Куйбышева? – вдруг кольнуло шальное опасение, но тут же радостно

подсказалось: – Да вот шлюзование начнётся – наверняка выйдет, с малышом или одна. И как раз самый естественный момент подойти, заговорить. Лишь бы одна была, без этих. Вот ещё что тут!»

Матросы всё приближались, беспечно болтая за покраской. Я уже отодвинулся к двери и в волнении стоял-поглядывал на совсем ясно теперь видимые краны, плотину, по которой даже различалось движение машин. Но вот всё стало сдвигаться в сторону, заходя нам в хвост, – пароход переваливал на наш борт, поворачивая к предшлюзовой акватории, отгороженной молом. Вон уж и причал с вокзальным зданием – Тольятти... Не вышла ли она на ту сторону смотреть, как подходим? – я здесь стою ничего не вижу! Повернулся к двери, чтобы идти туда... и увидел!

Я увидел в дверь, как проходит она с багажом, с мальчишкой. За ней – бабка, другая, сзади что-то тащит белобрылая девчонка. «Что это? Помогает вынести? Или... *сама!* Может – бабки с малым? Да нет – *и одета!* Вот почему *одета!* Всё пропало! Конец!» – Я не мог сдвинуться с места – я боялся убедиться; как-то мгновенно размяк, паническая растерянность сбила меня... Всё утро были страхи: то – появится ли ещё, то – будет ли благоприятная минута. Но почему-то и не подумалось даже о самой возможности такого – *сойти ей раньше.*

Ещё не тоска, а какая-то игрушечно-беспомощная оставленность уже холодила весь пароход. И словно от этого ощущения, рванулся я бежать к пролёту, куда пошла девочка, – всё должно быть *при мне*, на моих глазах! Вот она!

В пролёте было ещё свободно. Бабки стояли среди вёдер, закрытых марлей, сумок, набитых авосек. А она и белобрылая перегнулись через борт, глядели на воду. Рядом тянулся малыш. Она подняла его за подмышки и, что-то говоря, показала, что там за бортом... Я смотрел, чувствуя неловкость своего присутствия, в какой-то мере даже жестокость своего присутствия. Мне казалось, она была уже отвлечена, или хотела, наконец, отвлечься от всего, что на пароходе, и радовалась, что путешествие её подходит к концу, ждала момента, когда сойдёт. Мне будто слышалось в ней: раз так должно быть – пусть будет скорее.

«Написать свой адрес, попытаться отдать ей!» – Я схватился и опрометью побежал в каюту, а в самом все пело в страшной юродской весёлости: «теряю! теряю!» В каюте я уже знал что ерунда, архинаивно, невозможно, но адрес начеркал, вложил в книгу и с ней помчался назад.

Народу в пролёте уже скопилось порядком – всё выходящие. Она теперь стояла рядом с бабками, держа мальчишку за руку. Я встал недалеко – пространство между нами, как нарочно, пустовало – и, обняв в скрещенных руках книгу с адресом, глотал мгновенья, не спуская глаз с девочки. «Вот, вот сейчас – плюнуть на всё, подойти, сунуть ей адрес!» – толкало меня в спину. – «Нет. Поздно», – упирало в грудь.

Поздно! – и сразу настала тяжёлая определённости. Сейчас всё кончится, я её вижу последние минуты. Последние минуты во всей дальнейшей жизни мы в одном, вместе, несравненная моя девочка!.. Какие были у меня глаза, какой вид – Богу только известно. И – ей: она внезапно и так же прямо, будто что-то её подтолкнуло, оглянулась ко мне, наши взгляды проникли друг в друга и она вздрогнула, отвернулась. И я почувствовал – занервничала. Стояла уже беспокойно – то заговаривала с бабкой, то с малышом, наклоняя к нему голову, переминалась.

Вдруг народ всполошился, загомонил, стали хватать свои узлы, чемоданы, и – кто вперёд – в проходы, ведущие к заднему пролёту: оказывается, объявили выход оттуда. Началась толкотня, спешка. Я проворно юркнул в проход, но в нём образовалась пробка, движение замедлилось. Я потерял её из виду и меня охватил страх, что не отыщу её в толпе и уже не увижу. Наконец, вышли в пролёт. Отойдя в сторону, я стал перебирать глазами каждого выходящего из обоих параллельных проходов (это в одном из них сегодня мы встретились и разошлись – в полном безлюдьи). Выходили тесной гурьбой, нетерпеливо поджимая впереди идущих, пока-

чиваясь как пингвины, и по трапу уже поодиночке поднимались на причал, который был здесь выше борта парохода. А вон и она – едва вымелькивает жёлтой своей сорочкой, продвигаясь в толпе к выходу, поток увлекал её от меня. Вот поднялась по трапу, ступила на причал – всё! – и как-то освобождённо, бодро пошла, отделяясь от других вышедших, теперь видимая полностью – ведро и сумка в руках напряжённо прямых, рядом семенил мальчишка. Я встал на цыпочки и смотрел смиренно, замерев и жалко улыбаясь.

Уходит! уходит совсем, совсем, что тут поделаешь. Во мне всё онемело. Это был и вправду конец. Они с малышом прошли в прогал между гостиницей и зданием вокзала – и скрылись за углом. «Вот и всё. Как и не было...» – подвелось с бедовой лёгкостью, и тут я ещё мог даже удивиться – бабки-то пошли отдельно, своей дорогой, краем площади к домам...

Последние мои часы на пароходе я провёл большей частью в каюте, куда убежал тотчас, как только угол дома на моих глазах остался пустым местом её исчезновения. Защититься четырьмя стенами от всего, ничего не видеть! Сел, облокотившись на коленки, лицо в ладони, и – дышать невмоготу!

«Как жить теперь? Ведь уже никогда не увижу эту девочку, лицо её – *ни-ко-гда не увижу!*» – Непереносимая унылость мертвила, синяя обыденщина всего, в чём я остался и что впереди ждало. А ушло – всё-таки *до этого* я так не сознавал, теперь знаю – ушло что-то духовно истинное *моё*, мне предназначенное, как второе дыхание души. Как будто я прозрел, а свет взяли и убрали навсегда. И вот замер, и не знаю куда деваться. Даже каюта была уж не той, в которой чувствовалась постоянно близость ее присутствия, а уже вот теперешней. И вся действительность – давно известной и надоевшей.

Взгляду попалась книга с вложенным адресом. Вот что ещё хранило! Была там со мной, когда провожал. А главное – я читал её в постоянной обращённости моей к девочке, и вот совпадение: уход женщины из жизни – в книге, и – её уход из моей жизни! Девочка... Никогда больше не увидать! Как мало я смотрел на тебя, как расточал драгоценные мгновенья на какую-то малодушную игру выжиданий, условностей! И вот... Ком в горле...

Прочь от дум вышел на палубу. После шлюзования оживлённо прогуливались, любовались Жигулями. Бодрость, довольство, благополучие. Вот она тут и Лариса, сегодня с матерью. Всё оскорбляло своим неизменным бесстрастным продолжением – была девочка, нет ли. Идёт очередной день их путешествия, их путешествие приближает их к очередному большому городу – всё *правильно*. И вот – эта засасывающая степенная, навязчиво явленная реальность тех же фигур, лиц, того же сибаритства, ожидающего вновь встряхнуться в толповоротной прогулке по магазинам; а в глазах – уходящая девочка с мальчуганом – пригрезилось? вообразилось?.. Спустился вниз, в пролёт. Постоял, представил.

И вдруг представил другое: *а если б я тогда не обернулся?* Так и стоял бы на палубке и ждал до самого Куйбышева, каждую минуту сгорая в лихорадке иссякающей надежды, душный отчаянием. И какая в конце этой пытки была бы казнь – сходить *мне*, так и не увидев, самому якобы оторвать мою прильнувшую к ней жизнь, не сомневаясь, что она – здесь, и поплывёт дальше неведомо куда! Да, то оказалась маленькая пощада...

Вернулся в каюту. Нет, эти стены, дорогие эти стены! Последний час – но это мой ещё мир! В нём – ещё тепло памяти. Вспомнил, как утром проснулся в смутном волнении: сегодня должно всё определиться (и вот определилось!). А потом так неожиданно увидел её на палубе, уже одетую как вчера в Казани. «Как тебе сразу не заподозрилось – вот близорукость! – что сейчас в Тольятти она может сойти? Почему эта естественнейшая причина того, что она не по обычному своему пароходному была одета, совершенно и в голову не пришла?» – Я бессильно усмехнулся: и мысли же такой не допускалось, само собой вроде бы – *ей* плыть дальше... Да и что теперь все эти вопросы! Всё уничтожено, просто и непоправимо. Как будет мне теперь в Куйбышеве с родными, совсем сейчас далёкими?..

Уже видны пригородные парки, санатории, пляжи. Пора!

Часть 2. Метания

Простота и трогательность, с какими встретили меня родные (совсем, совсем постаревшие), сразу окутали теплом сердечной ласки. Я почувствовал себя маленьким и усталым, и обиженным, которого утешают. Невольно отвлекали непрерывные расспросы, разговоры, постоянное любовное внимание. Тоска лишь не заговаривалась, всё давила, тудя сердце.

Да, началась другая жизнь – я возвращён на землю. Грустно представлялось, как был бы я сейчас весел, полон радостных планов, не будь этих двух дней на пароходе. Отделённые патриархальной обстановкой скромной старушечьей квартирki, они уже казались мне где-то оставленным миражно манящим оазисом невероятного. Я ли, сидящий здесь вновь приласканный ребёнок, всё это пережил – в самом деле?

Ещё в троллейбусе, от Волги уносящим меня в город, оглушённо взирая на такие знакомые улицы, перекрёстки, дома, всем своим видом показывающие, что путешествие моё кончилось и ничто здесь не подтвердит, что оно было, я понял: жить мне в Куйбышеве – отравлено. Но тогда же счастливо вспомнилось, что бабушка моя, к которой я приехал, изредка ездила в Тольятти к своей старинной подруге погостить – уговорить-ка её вместе съездить на несколько дней! А уж оттуда – и в Москву. О... с этой идейкой чуть вздохнулось. Перспектива вернуться на то место, где потерянно осталась девочка, опять увидеть тот самый причал, а главное, а главное: каким-нибудь чудом найти, встретить её – теперь было моим упованием, отдушиной моей и защитой перед настоящим-Вечером между утром и мною уже стоял день. Сотнями лиц, калейдоскопом мелких впечатлений от прогулки по городу – хоть с милым узнаванием, но всё же больше ради того, чтобы побыть одному – этот день отдалил всё пароходное, вернул мне привычно вёрткую городскую приспособительность, которая неумолимо свидетельствовала, что в обычном мире я всё тот же, прежний. С бессильной неприятностью я замечал это в себе, чувствовал, как легко вхожу опять в механическую тупую суету вокруг. Но заметил и другое: совершенно не привлекали теперь меня никакие красивые или смазливые личики, наоборот – досадно претили. Лишь большей взывало сердце... Уже в постели, перед сном, мне вдруг необыкновенно показался наш последний обмен взглядами, за минуту до суматохи, и явственно представился мой – она его мне отразила, всею собой. Этот взгляд был – ей в сердце. Его-то она уж не забудет, нет. Ещё сегодня, подумать только – сегодня – это было! А уже темно – готовилась первая ночь чёрной ямой прорвать моё бдение, связанное ещё с её присутствием вначале, – а уже казалась мне поездка эта феерическим сном... «А как она сейчас? – спохватился я, поразившись, что до сих пор, отдавшись своим переживаниям, не поинтересовался вот так, с её *стороны*. – Думает ли о том, что оставила на пароходе? *Как её душа?*» – Вот этой пытающей думой, а не многочасовым бредом памяти, притупившим уже первую резь тоски, ощутил я очищение от всяких помех времени, девочку реальную, живую, не призрачный дубль её, уже проступающий во мне. И обвинительно сразу хлестнула мысль: «Что ты сделал с её душой! *С такой душой!* Это же в ней... осталось нехорошо...» И неразрешённым грехом легло это на сердце...

Вспомнился вчерашний закатом напоённый «Затон». Вчера мы вместе нечаянно побывали в гостях у счастья. И сегодня оно ещё как будто билось над нами... Заново, в изначальной ясности открылось мне – что такое произошло сегодня утром в моей жизни. Неутешная, саднящая тоска была ознобом и никак не избавиться от чувства, что я похоронил эту девочку и её больше нет вообще. Оставалось лишь светлое сознание, что я – вошёл в жизнь этой девочки и что-то значил в её жизни, наверняка что-то значил... Да, те, кто понёс такую потерю, испытывают горькую, но и радостную гордость от того уже, что *в них* утраченное уж не может быть отнято. Они имеют веру – и в какой-то степени имеют утраченное...

С такой верой я и сошёл через два дня с «Метеора» в дождливый тем утром Тольятти. Пристали мы на другой, понтонный причал для скоростных судов, несколько в стороне, и поэтому несколько под другим углом к Речному вокзалу, оттого как бы иному, – но к тому же, к тому же ансамблю вокзала с гостиницей! Вон и проём между ними, тот самый! Живо занялось волнение – о, я ещё здесь побываю! А сейчас, с бабушкой, ничего не подозревающей, – мимо, мимо... через площадь к автобусной остановке.

Уехали мы от Волги далеко – через старый город в Тольятти новый, импозантно раскинувшийся на открытой равнине двенадцати-шестнадцатиэтажными жилыми комплексами с просторными магистралями напролёт, «город ВАЗ», как поэтично-каламбурно читалось на его троллейбусах. Это в нём жила бабушкина старинная подруга, на которую я, всё более удаляясь от Речного вокзала, всё более досадовал. И всё же я здесь! – в тех краях, где, в какой бы стороне ни жила она, моя девочка, – всё досягаемо для желанных поисков. Что поиски такие, уличные, чистое безрассудство – головой я доходил. Но диктовало сердце: быть здесь и не попытаться? хотя бы и вслепую!.. Впрочем, наметилась и одна привязка – пляж, искать её сейчас, в каникулы, вероятнее всего на пляже. Только бы погода наладилась.

Первый день весь издождивел, словно бы к неудаче. Уже росло беспокойство: ведь у меня тут всего четыре последних дня отпуска. Как зарядит наизмор...

Но на следующий день настроилось солнце – даже с утра припекало, хотя синева ещё квасилась каким-то влажным мглением. Первым делом я приехал к Речному вокзалу.

Было такое же, только более раннее утро – в этот час *тогда* я ещё не знал, не ведал, что вот здесь потеряю её, да и о месте этом не знал. Почти никого на причале не было, стоял сбоку у стенки перед грузовым портом один пустой «ОМик». Я сел на скамейку, закурил. Вот оно, место всего случившегося! Первое ощущение было – что она где-то здесь близко, что стоит мне пойти по этим привокзальным улицам, тут я и наткнулся на неё. Провёл глазами от кромки причала к проёму между гостиницей и вокзалом – как шла она – мне этот путь безошибочен. Сейчас-то по-другому он смотрелся отсюда, чем тогда с парохода... Только три дня назад я всё это видел! – видел с ней, уходящей. За эти три дня я стал думать о ней не так пристально, самоедно, успокоенный немного тем, что скоро приеду сюда; но сейчас опять... все эти дни, все впечатления-отвлечения их улетучились – только это место! и жённость души, как в те первые часы *после*. Так свежо всё здесь недавней реальностью её присутствия – последней неудержимостью мига, уже *чужого*, уже вне парохода – но присутствия! Единственно этот уголок лишь и был мне мил и возможен – остальное всё неизвестное, грубое, далёкое... Но искать надо в том, неизвестном, грубом.

Я встал, прошёл одному мне оставленным ею следом между гостиницей и вокзалом и отправился, по распросам, к пляжу.

Народу на пляже было немного, в основном молодёжь; плескалась детвора с мячами, с надувными кругами, готовая «до посинения» не вылезать из воды. Двух таких, уже на песке, мимоходом подцепнулись фразки (он и она лет по пяти-шести):

– А-а, Катька, накупалась! Гляди – дрожжи продаёшь!

– А вот и нет, а вот и нет!

– Ври! У самой вон вся кожа гусиная...

Могла же и она быть здесь, с тем же малышом или с подругами? Но сердцу, что ли, навещано было прежде всякого разумения – не чувствовал я такого готовного ожидания, что вот попадётся на глаза. И чем дальше шёл, тем унылее ясна невозможность её впереди.

Был ещё один пляж – на канале между шлюзов, съездил на автобусе и туда. Но там и вовсе не из кого было высматривать – почти безлюдно. Всё же прошёлся, уж больше увлекаемый, как всегда в подобных хождениях, пылом узнавания новых мест, удовольствием свободы побродяжничать.

Вечером ломил зуд усталости... С пляжами покончено. С единственной зацепкой за какую-то всё-таки объективную мало-мальски вероятность увидеть. Так показалось после этого первого дня, будто её здесь и в помине нет.

Ну... теперь – город. Перед ним я почувствовал растерянность. Тут уж оставалась надежда только на чудо. Что ж, сталкивает же порой жизнь знакомых людей ни с чего, вдруг, когда не нужно. И никакое это не чудо. А потому и не чудо – что не нужно, не означено внутренним снедающим огнём (только и весело тогда удивиться: вот уж действительно мир тесен!). Но когда, не ведая, где и как она может быть, настрадался встречи, словно бредом душевным натомился, – вот тогда она чудо истинное.

И всё же понемногу, карточным домиком, а проклёвывались кое-какие соображения. Прежде всего, я сразу исключил новый Тольятти, автозаводской. Всё мне говорило, что живёт она в старом городе, либо в посёлках окрестных. Начать же решил прямо с района Речного вокзала – с Комсомольска, как местные называют этот район. Он меньше, спокойней – в нём жизнь её представлялась легче и потому, что в него-то ведь она и ушла с парохода. Теперь: где она в городе может быть – логически? Это девочка домашняя, наверняка безотказная помощница в семье (золушкина кротость!). А сейчас самые фрукты, тем более в доме малыш, – значит, по утрам возможен рынок. И на этом в Комсомольске, пожалуй, всё. Конечно, ещё и магазины – но их уж не обойти все. В Тольятти же в центре кроме рынка ещё что... универмаг? может быть, парк...

Но как-то отдельно от этих соображений, хоть и направленных на поиски её же, – набегали сами воспоминания и думы о ней. Непритязательная, тихая в своих чувствах душа. Слышит ли она ещё недавние дни свои? Такие девочки скоро не забывают, таким западает крепко – и незащитимо. А в ней эта столь привлекаемая созерцательность, внутренняя уединённость; она так легко и часто уходит в *своё*... Как она живёт в том, что её окружает?

Только на пароходе она и виделась мне вполне естественно, как бы в своей всегдашней обстановке. А уж сейчас и ревновал, и боялся за её повседневную какую-то связанность с подругами, с мальчишками, даже – с матерью, отцом. Как-то всё это оборачивается для неё?.. Отдаляет, отдаляет! Ах, найти бы, скорее, скорей бы найти! Вернуть её в правду нашего пароходного и влиять на неё берегательно, благовейно...

На другой день утром приехал в Комсомольск, расспросами отыскал рынок. Мал, да и скуден он, в основном яблоки, прочего так, кое-где. И людей негусто: женщины, старухи с авоськами. Побродил, поозирался – а сам тоже уж как будто знал, что нет, не будет её здесь. Ну что ж, на улицу – на *улицы*, сколько их, – ходи-гуляй теперь, да успевай по сторонам глядеть.

В будний день и в городе нелюдно. На одном перекрёстке из глубины улицы вдруг потянуло нестройно похоронной музыкой, береднув сердце. Я увидел длинную процессию, впереди которой, уже близко, медленно шла женщина и отрешённым роняющим жестом бросала перед собой через шаг по бледно-белому цветку из букетика в приопущенной руке. В печальной серьёзности смотрела она на то, что делает, словно сознавая, что это она уводит от родных и друзей им незаменимо дорогое, она прокладывает этот разъединяющий путь прощания белыми каплями цветков, такова её миссия. За ней тихо двигалась машина со спущенными бортами, притягивая уклончивый взгляд нарядным, в коврах, кузовом и на нем самым главным во всей процессии – продолговатым красным, открытым небу. За машиной двое мужчин под руки бережно вели женщину, всю в чёрном, прижавшую белый платок к щеке. Рядом другие взрослые, тоже в чёрном. А за ними – притихшие, потупленные, многие с цветами, окружив сверкающую медь оркестра, шли девчонки, девчонки, ребята.

И минуты не прошло, я уже летел дальше, ускорив шаг. Но всегда такое – как удар хлыста – мгновенно переносишься мыслями туда и уже всё чувствуешь, всё знаешь, *что* там. И потайно смущённо думаешь и сбиваешь эти думы. Но здесь-здесь было как-то пронзительно обставлено. Не сомневался я, что в том продолговатом красном, установленном на машине,

лежало сражённое неведомой силой такое же юное, узкоплечее, как эти девчонки и мальчишки, идущие сзади.

«И прямо на меня! – недобро встало опасение: – Это... мне знак? Что не найду?» И уже лукаво навязался образ: это похороны моей надежды – даже возраст... тот же! Опять сквозило холодком унылой обидённости, будто с парохода после ухода её.

Но день унёс эту зыбь омрачённости. Даже видение похорон истёрлось ловлением лиц, новыми местами, наносом всеувлекающей жизни. Нещадно гонял я себя по улицам, дворам, без всякого маршрута, без всякой системы, стремясь лишь охватить как можно больше. И ту же замечал в себе невосприимчивость ко всем красивым, интересным, эффектным и тому подобным, всё-то таким обыкновенным, казалось, столько перевиданным – реакция от неё. Взглянешь вскользь, ибо нельзя упустить ни одно лицо, едва отметишь: ну недурна, – и бестрепетно дальше. Ходить-то ещё, ходить!

Помимо Комсомольска в этот день я проверил ещё два поселка, через которые провёз вчера автобус по пути ко второму пляжу. В одном из них, Фёдоровке, прошёл до конца единственную улицу и назад – челноком, захватывая с обеих сторон дворы и огороды. Людей почти не было, если она и здесь живёт (а здесь-то могла бы!) – как узнаешь? Разве только по домам пойти? «И везде ведь так, везде! – мрачней, сознавал я всю безнадежную слепоту таких поисков. – И в самых людных местах – почему ей обязательно оказаться на улице? и именно там, где ты проходишь, и именно тогда!..» Другой посёлок, но городского типа, в отличие от Фёдоровки, был на моём обратном, пешем пути – Шлюзовой. Типичный рабочий посёлок с типичным копошащимся в мелочах своей утробной жизни людом – ни город, ни деревня. Здесь что-то и не представлялась мне возможность её. К тому же, за день я изморил и самое чувство надежды – от усталости, что ли, ещё сильней вчерашней.

И снова вечер, ещё дневующе светел, весел ребячьим дворовым гомоном. Просторный квадрат двора, в опоясе домов, кипит движением в беззаботности часа перед ужином, в лёгкости общения, в азарте игр – оживление перед покоем... Я стоял у окна и вспоминал, как вот так же славно вечерело в тот день перед Затоном; а тогда, наверное, так же вот, своим чередом, колготила жизнь этого двора. В том одновременьи где-то совсем рядом была она – и всё было впереди преображено в неведанной раньше чуемой сердцем озарённости бытия. А сейчас?.. Где-то там сейчас тоже скользит по солнечной дорожке к Затону пароход – но со мною нет её, лишь слепые искания, – но увижу ли её вообще...

Настроение всё портилось. Нет, тут не усталость, тут причина поосновательней. Наверное, самый ход поисков подспудно трезвил, и виделась вся несерьёзность их, совершенная провальность такой затеи, виделась тем яснее, чем больше я обнаруживал населённых мест в округе. Одно крепило: всё-таки я здесь – а пока я здесь, принципиальная возможность не закрыта. Только – здесь мне оставалось полтора дня. Время – когда не успеваешь, а от этого зависит, какой будет впереди твоя жизнь, – стягивает петлёй... Вспомнились утренние похороны – и опять эта мысль: предзнаменование? И отмахнуться суеверием искренно, облегчительно, не получалось – так истощилось беспросветной действительностью перед ребяческими упованиями сердце.

Но сквозь действительность воображение рвалось к чистоте видений памяти – такая свобода удавалась только перед сном, во тьме укрытости от всего окружающего. Тогда я погружался в свои представления и думы с таким самовоспламенённым упоением, не остановить. Да, и угловата в движениях (но такой милой *своей* угловатостью), и некрасива, и никогда не будет красивой в нашем банальном прямолинейном понимании, – но какие теперь мне красавицы после неё! Только вспомнить, как спокойно не принялась во мне эта Лариса, даже вначале, когда девочка была лишь мелькнувшим образом в памяти, а тем более уж там, на палубке, где рядом стояла с другой стороны она! Эта чувственная пышка Лариса лишь всё нарушила, такую минуту!.. Хотя утром ещё момент был дан – верная, удобная возможность. А ты всё

оттягивал! Не учуял ни в том, как она одета, ни в поспешности её раннего появления, что счёт *нашей* жизни идёт уже не на часы – на минуты. Кусай теперь локти... А она знала, когда обходила машинное отделение, точно прощальный круг делала, – в ней уже как будто болью какой-то, может быть, обидой сердца закипало... Это был наш третий момент, как случилось – последний. Сколько, сколько я ей причинил! Я хоть бросился вот искать, действую. А она *так и осталась*... Боже, неужели не найду!

Но всегда в такие упадочные минуты словно кто посылал мне утешение – печальное, эфемерное, но наполняющее гордостью: что *такая* девочка всё-таки глубоко была задета моим вниманием. Сознание этого никак не прибавляло во мне надежды, просто с ним, как с доброй сказкой в детстве, было хорошо, согрето заснуть...

Утро следующего дня обещало день погожий, а как всякое утро, – обещало впереди просто день, ещё один, в котором столько нового, влекуще неведомого уже определено тебе в делах, событиях, впечатлениях – чего только может ни быть! Даже может быть... Нет, в глубине всё же не верилось. Но какая-то заведённость уже срабатывала – ни минуты не терять! Движение отвлекает, притупляет чувства. И, кроме того, оставалось ещё, рядом с неверием, последнее *а вдруг*. Сегодня обследовать, сколько успею, самое обширное – старый Тольятти, он же, официально, Центральный район.

И опять – с рынка. Здесь он крупнее, обильней, и прямо-таки кишел толкучим, шумным разнолюдем – была суббота. Я побродил, толкаясь, не успевая озираться, – в глазах рябило; вышел к входным воротам, там постоял... Всегда чувствуешь, когда становится бесполезно.

Потом – универмаг. Небольшой, уютный, оживлённый, он располагал некоей праздничностью обстановки. «Ну, вот почему бы ей не пойти в субботу в единственный на весь старый город универмаг делать покупки к учебному году, который уж не за горами», – сетовал я, блуждая по отделам, и вдруг поразила мысль: – «А... может, уже и была, *до* меня? Или придёт *после* – но когда??. Вот ведь ещё как тут может получиться!»

И снова на улицах, как одержимый. Из одной в другую через перекрёстки, площади, жадно прыгая взглядами по встречным лицам, простреливая тусторонние тротуары, как будто годы не видел людей, жизни города. Понимая, что это уже смешное ребячество, схватывал судорожным оглядом все проходившие битком набитые автобусы, троллейбусы – вдруг мелькнёт в толчее пассажиров лицо!.. Ну и вдруг бы мелькнуло! – тут же представлял я с ужасом. – И что? бежать за ним?.. и не догнать?.. И хотя знал, что вероятность такого издевательства практически никакая, всякий раз испытывал облегчение, провожая их взглядом.

Одна из улиц вывела меня к парку. Вот уж здесь-то очень могла бы быть – с подругами, или с малышом. Гуляющие встречались на каждом шагу. Слоняясь беспорядочно, как и прожилки тропинок и дорожек в этом изрядно вытоптанном мелкотравном парке, я всё ж таки обошёл все его уголки с аттракционами, кондитерскими лавчонками, с мило-неожиданной компанией всякой сказочной нечисти, застывшей корягами, искусно преображёнными фантазией умельца. Здесь, на полянке среди змеев-горынычей, леших, кикимор и прочих чудищ, у кустов подкарауливающих людское внимание, на одной из укромных скамеек решил отдохнуть. Недолго, впрочем, посидев, уже понуро, отяжелённо снова побрёл дальше, куда глаза глядят. И в парке её нет как нет, иссякла последняя надежда: «Нет, не встречу! не увижу! Всё!» – словно бы втолковывалось мне, чего не хватало сил понять. «Но ходить, ходить! *А вдруг!*» – приказывал я себе.

До последнего часа моего здесь – искать! Весь смысл моего пребывания здесь в этом. И я мотался опять по улицам, так я их возлюбил, скверам, проулкам. Набрёл на пустырь среди города, смотрю: огорожены фургоны с животными, очередь в кассу – передвижной зверинец. Вот ещё очень возможное место посетить ей с малышом. Зашёл, посмотрел вялых невзрачных зверей, не упуская следить за потоком посетителей. Да вновь та же мысль: «А разве она обязательно в это же время должна прийти? Дежурить до закрытия? Если б знать наверняка, что

придёт... А может, уже и была...» Но ведь только на случай и уповаю, случай совпадения её и моего места во времени...

Пошёл дальше гулять. Уже мазали судорожные взгляды по троллейбусам, автобусам, выдохлась утренняя бодрость, и сам путь дневной искательский снова остудил голову тем же: дикая фантазия, нереально... Свет морило к сумеркам, подбиралось время. Словно побитый, вернулся я домой.

Вот и весь день, с утра ещё неведомый, а сейчас как на ладони. В нём ещё не успело стемнеть – но во мне погасла и слабенькая надежда, когда я вспомнил, стоя опять у окна, что это время как раз завтрашнего прощания. Завтра к вечеру – в Москву... (В одну из дивных минут *того* заката, стоя на носу парохода, я с первым толчком предчувствия поймал себя на такой же мысли: что завтра – Куйбышев. Но какая пропасть между тем «завтра» и нынешним! Теперь я должен буду вернуться ко всему тому, что было *до неё*, что кажется уже чем-то застыло-древним, отпавшим, чуждым)... Тольятти – странно, город, в который ушла она, я так и не узнал. Он остался в тайне её ухода. А этот, по которому хожу я, – это какой-то другой город... Да, видно, не вернуть. Что дано однажды – и не взято, – знать, вторично не даётся...

Вечер снисылает покой смирения, ничего-то больше не ждёшь – как уж сложилось, с тем и на ночь...

И вот, последний день в Тольятти. Утро ватно-пасмурное, соловое, но сухое. Но ещё утро! Съезжу, поброжу по парку, улицам... мало ли чего. Исчерпать и этот остаток времени. А под конец – к Речному. К Речному вокзалу неизменно так и тянуло все эти дни, единственно подлинному здесь её месту.

Недолго послонялся я по городу. Пустовато везде в воскресенье, да в пасмурное, бестолковщина.

И ринулся в Комсомольск, к Речному, как к последнему прибежищу. Им я хотел завершить всё. Как *тогда* им неожиданно завершила всё она. У крайнего, пригородного причала стоял «ОМик», собирал крохи желающих совершить часовую прогулку по водохранилищу. Кругом подметено, тихо и пустынно... Неужели вот здесь всё и случилось? Так элементарно, само собой – сошла и ушла! Будто перестала существовать... Тогда это была просто очередная стоянка – «Тольятти», – последняя перед Куйбышевым; теперь это для меня – узловое место известного города, людного, со своим психологическим укладом, со своим разнообразием... А вообще, интересно – был ли я в своих поисках близко от неё? Интересно... а всё же мудро определено не знать, особенно сейчас.

Но куда же она пошла отсюда, скрывшись за этим углом гостиницы, куда? Хоть намекнулось бы мне здесь, на тропе её! «Увы, никаких озарений», – оставалось только грустно сыронизировать. Пронеслись в голове все мои «сногшибающие» пустые хождения. Неужели в ней не отдалось это – пускай без всякой памяти обо мне – эхом бы лишь неиспытным чьей-то вообще близкой, рвущейся к ней энергии, смутным зовущим волнением? Никогда уже, во всяком случае, не узнает она, что я приезжал сюда и шнырял по всей округе, по всем закоулкам в обмане надежды найти её, найти! Ни-ко-гда! И, может быть, это тоже мудро определено – для *неё*...

Уходить не хотелось. Здесь, как нигде больше – и я снова это чувствовал, – ещё было ощущение реального существования и восприятия её, самое горькое в ту минуту, да, да ведь одно только и засвидетельствованное лишь вот этим расположением домов. Она здесь прошла. Здесь приют душе.

«ОМик» полупустой отчаливал. Сейчас возьмёт он курс в то ближайшее дотольяттинское наше с ней прошлое – привет ему! – в котором я и не подозревал ещё, *что* готовилось мне здесь. Была та жизнь и была тревога той жизни: я ждал, вот выйдет, в боязни-решимости подойти... Две девицы на корме, перегнувшись через борт, что-то кокетливо кричали причальному дежурному, коренастому парняге с лоснисто улыбающейся самодовольной физиономией. Вспомнилось, как она смотрела на представление Затонских красоток. Ну! эти поцивилизо-

ванной, чего там. Но поймал я себя, что смотрю на них далёким её взглядом... Да, и в Москве поначалу всё будет видаться «от неё». Завтра же окунусь в тот прежний стиль жизни – и на улицах, в метро, в крутые толпы замелькают и вовсе другие: стройные, изящно гибкие, порой привлекающие угадываемо тонкой организацией, даже предположить – близостью интересов... насколько она непостижимо выше и их! За эту девочку – пусть и успокоюсь со временем, а всегда буду казнить себя, как вспомню. С ней я потерял... да что говорить!..

Встал, огляделся. И пошёл туда же, ноги понесли, куда скрылась она – в проём между гостиницей и вокзалом. Вышел на площадь... а дальше? Отсюда – куда она пошла? Стоит почти пустой автобус до Жигулёвска – городок на правом берегу, сразу за ГЭС. Те места, через плотину, я не охватил, как-то и в виду не имел. Сейчас же ещё оставалось время – а ну-ка, не съездить ли! Вдруг – там! Я воспрял: ещё не всё, не всё! Свеженький уютный «Львовец» приглашал в себя разъятыми дверьми. А где же шофёр? Ага, здесь – конечная, выдерживали расписание. Ожидание зудило – горели минуты! Наконец, вразвалочку подходит, водружается в кабину, закуривает – вперёд, шеф, мы ещё здесь!

С ветерком перемахнув через ершистую Волгу, вкатили в Жигулёвск. Я доехал до конечной же остановки и своим уже ходом от неё пустился по дороге дальше. Улица – прямая, зелёная, в двести трёхэтажных добротных домах с магазинчиками, бытовыми службами – похоже, центральная. По ней вышел на площадь с массивной трибуной, увенчанной по центру монументальной Головой, за ними цветистый скверик; напротив же представительное здание с полуколоннами, Доской почёта: горсовет, надо думать, – и мимо них дальше по той же улице. Тихо здесь, ни людей, ни машин, разве автобус допотопный, раздрыганный неспешно протарахтит по мостовой, так уже оживление. Проглянуло случайное солнце, и зажётся тротуар яркой леопардовой шкурой под тенью деревьев. Повеселел день... По настрою здешней жизни она очень может здесь быть, естественнейшим образом! Но улицы пустынные. Да и время поджимало, повернул назад... Опять исчезли тёплые солнечные зайчики, свет потускнел.

Лопнул последний шанс. Домой!..

Но вышла неожиданная оттяжка на самом избытке моих уже притольяттинских минут. Уже на перроне станции, когда больше некуда идти – только в вагон, когда подадут состав, – и я в смутной потерянности всё здешнее уж отторгнул от себя, вдруг по репродуктору сообщают, что посадка отсрочивается на два часа «по техническим причинам». Ещё два часа! Полной свободы здесь! Я, как будто помилованный, огляделся с улыбкой облегчения – вся округа как будто опять стала ближе, роднее. Безусловно, безусловно надо куда-то махнуть! Но куда? Да вон за станцией, на холме, большой посёлок – Жигулёвское море, – он почему-то лишь краем сознания отметился. Не будь этой задержки с поездом – так и уехал бы, не успев его проверить и, может, мучась потом, как клонет память: а если именно в нём она и живёт? Ох, это «а если»!

Посёлок стоит на супесях. Вначале по крутому песку, затем по склизким глинистым дорожкам забрался я к верхним домам в садах – и остановился, весь взмокший несмотря на пасмурный день, отирая лоб. Размёт сторон, лабиринт просек, улочек, почти безлюдных видом отсюда, – как охватить всё это за отпущенное время? А главное – неверие, неверие – нужно ли! Немного поблуждал по ближайшим просекам и стал возвращаться к станции – не брало сердце этот посёлок. К тому же, всё портилась погода. Небо тучно волоклось, набрякая, низилось от водяной тяжести. Затевались преждевременные сумерки, гложущие унылостью. Не дожидаясь моего ухода, уходил день – и это пуще обесмысливало остаток пребывания здесь. И даже не торопление ненастья, скоро наступающей тьмы, а видно, так сам естественный срок настал, и незачем здесь больше пребывать: все поиски уже мертвила изжитость, все мыслимые возможности испробованы.

На станции табором, кто как, люди сидели у своего багажа, слонялись туда-сюда без цели, иные пожилые пары гуляли по платформе, как по бульвару. Не удержался-таки, закапал дождик, робкий, будто виноватый...

Наконец, подали состав. Заворошилась платформа встрепенувшейся толпой. Приступом заселили поезд, пяти минут не прошло. Определясь в вагоне, я вышел – ещё постоять, окропиться тихим прощальным дождиком в этих всё-таки её местах. «Вот он, рубеж, навсегда, отрезающий от меня всё *это*, – посмотрел я на вагон. – Завтра в Москве и он покажется милой частицей Тольятти» ... На смерклой опустелой платформе загорелись фонари и в их свету чаще, чаще блёстко строчили пунктиры смелеющего дождя. Но уже через окно вагона.

Всё – тронулись! До Жигулёвска ехали почему-то медленно, в полумраке дежурного плафона – будто в трауре («Похороны! – ударило вдруг в память. – Значит... всё так...»). Лишь миновав Жигулёвск (проезжали, где я сегодня сходил с автобуса: платформу Могутовая, – и дрогнуло во мне), тотчас как-то освобождённо-быстро набрали скорость и дрожа влился в купе мёртвый неоновый свет. А в окнах – сырая мохнатая темень жигулёвских глухих чаш.

А в душе – опустошённость. Оцепенение. Обморок...

Часть 3. Утро вечера мудренее

Москва. Она встретила тоже дождём, но осенне-холодным, сеющим, похоже, давно: сыростью чернеют дома, чёрен асфальт в дробящихся каплями бельмах луж. Озабоченно снуют люди, заводясь будничным челночным ритмом рабочей недели. Утро ненастного понедельника распределяло живую человеческую энергию по своим «точкам».

Уже специфический запах чрева метро водворял в привычный круг старой обыденной жизни; но теперь в ней во всём виделся и угнетал дух столичной официальности, какой-то фальшивый, обтекаемо-формальный стиль общения. После отсутствия здесь казалось, ещё ощутимее правит свой сатанинский бал суэта, суэта и суэта, в которой незаметно сам от себя ускользаешь – и обманываешься, мельчишь и массой мелочей застилаешь или подменяешь одно главное. «Как я в то утро, – неожиданно сравнилось: – все мешкал, не подозревая, что девочка сейчас сойдёт, – и потерял... Так же и все мы – не знаем, когда сойдём, и в текущей повседневности и спешке всё откладываем, забываем к душе-то своей успеть».

...И вот, опять дома. Та же комната, что и в день отъезда, только затхлая от долгого непроветривания. В лёгком, радужном настроении уезжал я отсюда, ещё не ведая, что есть эта девочка, и это настолько перешибёт всё, что предвосхищалось, вообще всё изменит... Теперь это – склеп. Вряд ли мне было хуже в тот первый день в Куйбышеве. Там был отпуск, была свобода. И даже в Тольятти, когда надежды уже не стало, от отчаяния удерживало всё же то, что я был на месте её потери, на «месте действия» – и действовал до последнего. Сейчас, в этой комнате, я голо осознал, что *кончилось всё...* Жуткая безысходность. Казалось, она приняла облик ненастья, которое пронизало сыростью и сыростью всю дальнейшую жизнь. Невмоготу было в этом безразлично-деловом мире – а он уже забирал... Обратно, обратно бы сейчас, туда, в Тольятти, в *те* места! – мигом бы улетел, пусть и без всякой надежды!..

Вечером ещё сгустился подавляющий душу мрак. Вечером явилась мысль, что это мука мне за последний взгляд её – не за Затон, не за утро на палубе, – именно за тот момент, когда она перед выходом с парохода, в пролёте обернулась, словно не выдержала, словно потянулась вся, и открыто-прямо посмотрела на меня. Боже милосердный, какой это был взгляд, какая оголённость сердца!.. А меня так и сковало уже шоком невозможности. Вот за что! В непрерывном ознобе сидел я закрыв глаза и не мог сомкнутыми веками удержать слезы, заклинал: «Надо что-то предпринять, надо! Но что, что? Найти бы малейшую зацепку, не уповать на глупую случайность!»... Несчастны люди, в такой степени рабы своей душевной основы. Они – неприкаемые. И себе, и другим они в тягость...

Весь вечер я то рылся памятью в последних тольяттинских днях, то представлял какой-то её момент с новой, здесь открывшейся глубиной, или опять изнывало болью, что уже *никогда не увижу*. «Надо же было мне угодить на этот пароход!» – сетовал я тогда, и тут же какой-то лукавый меня успокаивал: ничего, встретятся ещё и милые, и тонкие натуры, да и повзрослей всё-таки – увлечёшься и забудешь. Но с раздражением отвергалось, вставало категорическое неприятие всех! Все казались, в сущности, так похожи друг на друга, «в духе времени»; а она... стоило лишь вообразить её, и постылая никчёмность сразу погашала всякую мысль о других. Тут поистине метче не скажешь: она *не от мира сего*. Это девочка, для которой можно жить без оглядки не обращая внимания ни на кого, и только ею поверяя всего себя. Она, как никто, была бы духовной крепостью и отрадой в житейских мытарствах – тихая обитель души. Хотя сама и воск ещё. Воск – но каким вдохновенным ваятелем только быть бы с ним! Руки смяли мокрое лицо: «Столкнуть, чтобы так нелепейше тут же раскидать! Разве это... логично? – Я засмеялся, безумно ухая по-совиному: – А что в мире нашем человеческом логично?..»

Не совладал с ознобом, в непереносимой меланхолии я лёг – сон, только сон спасенье.

Но спал плохо и, проснувшись утром, нашёл себя в том же плачевном состоянии. Вставать, что-то делать, выходить на работу – сил не было. Узнал и я, чему никогда не верил, – что можно потерять интерес к самой жизни... Не-ет, необходимо посулить себе ещё какие-то надежды, попытки. Ка-ки-е?.. Вернуться бы дня на три-четыре! Не сейчас, ладно, – погодя, что-нибудь в сентябре. В первых числах. Но тогда уж точно будет всё бесполезно – начнётся учебный год, как там её искать?

О! – «А что? – вдруг молнией озарило: – Поехать как раз в сентябре, в самом начале – *искать по школам!* Это, чёрт меня подери, реально! Ну-ка, ну-ка, шельма!» Я тут же, бурно ворочаясь в постели от неимоверного прилива сил, с жадностью прикинул план осуществления. И так – в начале сентября, отпуск за свой счёт на неделю – это первое. Второе: как-то раздобыть достаточную сумму для поездки. Третье: полное инкогнито, на работе – отпуск по семейным обстоятельствам, для всех остальных – командировка. Всё прочее мелочи – по ходу дел... Спасение! Неужели, не-у-же-ли! И всего-то, что, собственно, только и возможно по этой идее, – стоять одаль, смотреть весь приход в школу или уход после уроков... Теперь, с этой сверкнувшей мыслью, я обрёл способность нормально действовать, я задышал! – я ожил!

Днём, возвращённый в карусель всего удручающе прежнего, только этой осенившей меня мыслью я и держался, хотя в гнетущем накате старых общений и дел работы, сразу поставивших меня «в строй», идея эта казалась хрупка, призрачна. Более того: здесь, в Москве, вообще было странно, что есть Тольятти – не о котором говорят и пишут, а Тольятти, в котором сошла *она*; есть тихая Фёдоровка, а за плотиной, на том берегу в дымчато-зелёном раз-двиге гор, как он виден от Речного вокзала, – сонный Жигулёвск... А Затон с его девицами, а ароматы волжские, пески, раздолье берегов!.. Прямо странно. Всё здесь продолжалось так, как будто никуда я не уезжал, а лишь фантастически прогаллюцинировал.

Но вечером, в желанной домашней уединённости, идея моя опять стала жизненной, близкой, волнующе надёжной, она налилась соком веры. Весь вечер я воодушевлённо торжествовал: «До чего гениально просто – искать по школам! Нет, это.., чёрт знает, какое-то наитие свыше. И ведь как мудро!.. Сократите!.. Это ж беспроегрышный метод! Метод единственный, в конце концов, провалиться мне на этом месте! Теперь мне сам чёрт, ха-ха!.. эй, где ты там, ты мне не брат, слышишь! Не будешь меня водить за нос. Ибо сказано: *ищите и обрящите*. И да будет так!»... Только бы эта жизнь шепутная, захватная, не выветрила веру в мою идею, не занесла временем самую необходимость её осуществления. Это предательское время, которое «лечит»? Пуще всего я страшился теперь его «лечения» – его заглушающего грубостью и глупостью повседневно.

Уже на другой день возникла обеспокоенность – именно тем, что я успокоился. И не во времени ещё тут дело – в инерции самой идеи. От сознания совершенной реальности задуманного мрачная немогота отхлынула и... унесла с собой постоянную мою обращённость к девочке. За отвлечёнными делами я стал реже и рассеяней думать о ней – и стал *слепнуть* на её облик, заметил, что размываются её черты. И чем пристальней пытаюсь их снова представить, тем нарочно искажённое они становятся в неразвешном тумане. Я запретил себе насыловать память восстановлением каждой чёрточки, а представлять как представляется, пусть неясно, но верно *в целом*. Безусловно, при встрече-то я узнал бы её, и не только сейчас – узнаю и в сентябре, и через полгода. И пусть за день я поневоле закручивался жизнью окружающей, сиюминутной, пусть видел бессчётное множество лиц, всё неразличимее стирающих её лицо – зато мой вечер. Вот когда я возносился к ней в одиноких своих воспоминаниях, в мечтах о поездке, о встрече. Воспоминания жилились новыми нюансами, ранее не уловленными, не осмысленными; думы о поездке рождали много мелких вопросов и неясностей, которые я тут же с энтузиазмом принимался разрешать...

...Интересно, сколько школ в Тольятти? Вряд ли так уж много, однако, хорошо бы узнать заранее, чтобы не терять время на поиски несуществующих. Ещё как там с гостиницами...

И всё не уставал восхищаться, насколько замысел мой прост и, главное, гарантийно обещающ. Это как будто я тыкался впотьмах, не зная куда ступить, и вдруг словно кто-то из-за спины чётким направленным лучиком фонаря осветил дорогу...

...Но и днём образ её непрестанно сопровождал меня. Уже я не отводил в сердцах взгляда от встречаемых девушек, невольно когда привлечённого, и если какая действительно обращала на себя внимание, конечно, подмечал в ней малейшую деталь облика, каждый нюанс поведения, – а перед взором внутренним неясно вставала она, девочка, которая своим существованием освободила меня от всех этих интересов, от этого вообще уровня понятий, открыв иной взгляд, иное состояние души, ничем не заменимое. В вязком, мутном валу жизни такое состояние души казалось уже миром недоступным здешним моим стремлениям и надеждам – такой *несовместности* её сути я причастился – такого родника. И от этого ещё набегала смутная горечь какой-то закравшейся осиротелости и разъедающая тень сомнения. Она, и с нею та пароходная жизнь – постепенно, постепенно идеализировались...

...Неделя моя – договорился! Да плюс выходные! Начинать готовиться, всё продумать... Брать билет!

...И всё же как-то днём сомнение забрало не на шутку: надо ли ехать. И это был уже голос времени. Оно ничего не убавило, не ослабило во мне, время, – но дало взгляд на идею с другой стороны: а нужно ли *ей* это? Ведь она-то наверняка уж давно свыклась со своим знанием, что я тогда уплыл куда-то дальше и вновь появиться в её жизни не могу. Ей же и в голову не приходит, что «он», который был на пароходе, может откуда-то приехать разыскивать её; в ней всё *то* уже пересилено, она теперь далека жизнью от своей этой поездки, если даже и вспоминает ещё иногда.

Весь день я мучился этим и весь вечер, только перед сном, наконец, пришло верное: в конце концов, главное тут – *мне* увидеть её, найти её, остальное – да оно просто исчезнет самим фактом отнятия её у неизвестности – ис-че-знет. Зато какая тогда будет встреча, силы небесные! «Нет, конечно, поеду, поеду!» – так утвердившись, тотчас почувствовал облегчение, как будто спас в себе дорогое живое существо, чуть не погибшее, в котором вся надежда, всё утешение.

Внешне же я жил своим обычным порядком: вечерами читал, слушал музыку, встречался с друзьями. Но всему этому внутренним обязательным условием была моя будущая поездка, моя *вера*, что теперь уж я найду её. «Ищите – и обрящете! Истинно, истинно», – всё повторял я, словно декламировал. *Я* уже витал в мечтах, как мы будем переписываться и как я буду приезжать к ней летом в свой отпуск, а она ко мне – на зимние каникулы...

...Удивительно, всякий раз, когда я пытался явственно выразить себе суть этой девочки, у меня не находились точные определения, слова *те самые*, сколько-нибудь разъясняющие её. Но в голове нарождался робко бесхитростный мотив лесов и полей. А в памяти ещё всплывала близкая ей по складу григивская пронзительнонежная грустная «Весна», или «Песня Сольвейг».

Дикарка – и в то же время фрейлейн (с малышом, с той девчонкой). Причём, ведь очень внутренне самостоятельное существо. В ней живёт и движет всем само естество её, ещё инстинктивно непосредственное, как в ребёнке, – да таким и останется... Но нет, слова, слова...

...Эти дни читал «Из писем к незнакомке» Андре Моруа. «Великая сила женщины – в её отсутствии», – замечает в одном из множества наставлений «как быть любимой» этот блестящий и остроумный стилист. Да, мы облакаем её в романтический ореол, томимся, бастуем, и на что только ни способны, чтобы лишить её этой её «силы» – если женщина *в нас*. Но вот парадокс, мсьё Моруа, – мы так стремимся отнять эту силу у женщины ради её другой силы, более властной и упоительной – если женщина *в нас!* – силы её присутствия. Такого присутствия, которое сделалось необходимым условием нашей жизни. Поэтому в отсутствии своём сила женщины лишь постольку может быть велика, поскольку способна побудить нас к бунту против себя за возвращение – за обретение той, которая в нас уже не может исчезнуть...

...Я ещё как-то идиллически думал о моей девочке – ещё в днях нашей поездки. А будет-то совсем другое – начнётся утомительный труд выискивания школ, а затем у школ – высматривания её. Я представил её в школьной форме – ведь именно в ней мне предстоит увидеть её – как хорошо ей должно быть, особенно с белым фартуком – он так подчеркнёт женственно-девчоночью аккуратность во всём её облике. Наверное, у неё не много подруг, одна-две, – большинство, поди, считают её «какой-то несовременной», *не своей*. И у ребят она, скорее всего, не пользуется вниманием. Её надобно разгадать. Или увидеть вдруг. Но те, кто с ней, – те, без сомненья, к ней привязаны всей посвящённостью льнущего сердца...

...Моментами, когда уже терпение сдавало, особенно на улице где-нибудь, внезапно находила какая-то мистическая боязнь: только дожить бы! Лишь бы ничего не стряслось, не помешало, – «надо быть внимательней, осторожней!» Потом забывалось, конечно, а вспомнив дома, только посмеивался над своей мнительностью, хотя где-то в глубине всё же держала эта пружинка *беречься*.

Скорей бы уж! Уверен, что сев, придёт минута, в поезд, а тем более подъезжая к Волге, я почувствую, насколько реальна и близка осуществимость моей идеи. И ехать буду с усиливающей волненье мыслью, что мчусь и с каждой минутой приближаюсь к её местам, осенённым её неведомым присутствием. Но теперь – теперь-то я буду вооружён знанием, *как* это тайное сделать явным в моём жизненном пространстве...

...За обдумыванием предстоящей поездки как-то поймал себя на том, что невольно проявляю ещё возникший сам по себе этакий лукавый «спортивный» интересик: «а правда», найду или не найду? Но стоило представить те немногие моменты с ней, уйти от настоящего в воспоминания, – и какой там спортивный интерес! – гадание это виделось уже диким, непонятным праздным любопытством, притом опять шевелилась одна глухая тревога. Я сознавал, потому что чувствовал это, что мне только с ней, только «на виду у неё» – жизнь, именно прозрённая жизнь души; а без неё – что там без неё?..

И всё-таки – найду или не найду? – уже действовал, сеял своё *смутьян*...

...Ах, какой она будет матерью! какой женой, придёт время! – Вспоминалось, в который раз, как в Казани, возвратившись из города, я подглядел её с мальчуганом. Уже снова одетая по-пароходному, в красной своей кофточке, она играла с ним на нижней палубе... какое-то таинство. Интимная обращённость к этому бутузу, отданность неоглядная его ласке и бурлению жизни – всё в ней, самой ещё девочке-полурёбенке, дышало пленительной, захватывающей прозорью материнства. Так самозабвенно только молодая, стыдливая мать играет со своим первенцем, зная, что их никто не видит...

Иногда, в такую минуту очнувшейся памяти, помимо железной логики школ («всё это умозрительно и далеко от *того!*»), в самом деле начинало казаться, что *вне того* мне её уже не увидеть. Конечно, всерьёз я это затмение мимолётное не принимал – но в те минуты ста-

рался-таки, спешил перебить ощущение мертвящего холодка. И тут-то моё сегодняшнее помо- гало...

...Интересно, какой будет её реакция, когда она совершенно неожиданно увидит меня? – всё чаще пытался я представить этот момент: «Время-то, время! ведь оно не за меня... Но лишь бы найти, лишь бы увидеть, а там... Главное – мне как раз стараться не думать о её реакции, не представлять – а действовать, как увижу, изнутри, от ощущения себя», – тут же внушал себе с жаром. Но именно в такие моменты, как ни желал я этого чуда счастья, становилось тревожно. Слишком неотступно и ревниво думалось о ней, слишком из сердца вспоминалось, так, что уж совсем будто миф, – и вдруг вот она тебе реальная, живая, быть может, в чём-то, в обличий несколько иная – увижу и спасую: опять «возраст», опять какой-то там навнушённый порог... Но уж тогда-то, после всего, никакая мука мне не будет непомерной. Да нет, только бы снова увидеть, *обрести в мире*. Её лицо! Всю, всю её!..

Наконец, настал день отъезда.

Завтра! «Неужели завтра? – опять Тольятти, Речной вокзал, Волга! И уже завтра, слышите вы все? – *уже завтра* – возможность её!.. О, если найду!» – всё мешалось, повторялось в пьянеющей голове, стучало в висках, и ожигала до одури радостная жуть, пока я собирался, скупко отбирая в дорогу самое необходимое. Уже в сборах я чувствовал, что с этого пошло осуществление моей счастливой воскресительной идеи, и электризующая весёлость плутовала во мне, вихрилась в груди тем ветром, что мне дарован был свободно кинуться – и я кидаюсь в измечтанное далёкое моё скитание, в котором неведомо как всё сложится, но всё будет вершиться *там*, в царстве душе заповедном. Я знал, что я уже обречён... слышал в себе как закляние, – и всё вокруг будто глядело на меня и вопрошало: что будет? что будет? *Что-то будет*, должно произойти от этого – что началось и что получилось тогда на пароходе. Уже означено.

В эту поездку я опять взял с собой томик Стефана Цвейга, чтобы и стилевой фон этим моим дням был тот же. Но теперь – «*Звёздные часы человечества*».

Часть 4. Что день грядущий мне готовит?

Стоял на Волге ранний золотой сон бабьего лета. Солнце грело ещё уверенно, но в тень от него уж не хотелось. Его уже неживучее тепло уютно уюло каждый уголок, и в безветрии всё благодатно замирало, разве что чуть грустило. «Продержалось бы вот так, пока буду здесь», – подумал я, в трепетном волнении озирая с перрона знакомые места.

С гостиницей решил я не забираться в самый город, а попытать удачу в припортовой, «той самой»: одно – что жить прямо при Речном вокзале; а кроме того, и стратегически наиболее удобно – жить в центре общего района поисков: с одной стороны Тольятти (опять же, только «старый» город), с другой – все левобережные посёлки, а через плотину – Жигулёвск. И эта первая забота с неожиданной лёгкостью, что принял я за хороший знак, разрешилась. Меня поселили в трёхместном номере с одной, пока, занятой койкой, которую занимал грузин из Тбилиси, приехавший по своим делам на автозавод, как успела пояснить мне дежурная по этажу, проводя в номер: «от зари до зари пропадает там, только ночевать приезжает, – спокойный будет сосед».

Время ещё близилось к полудню и я, постановив себе не терять здесь ни минуты, тут же закинул в сумку тетрадку – заносить в неё каждую обнаруженную школу с адресом и ориентирами – и вышел на «поле действий»... но сперва – к причалу.

Говорят, преступники, рано или поздно, возвращаются на место своего преступления, их неодолимо тянет снова увидеть, как выглядит это место, и удостовериться, что ли, что всё «было на самом деле». Я ли не преступник – загубить в одночасье драгоценно зацветшее своё и её – *наше*, рождённое в нас каждым, но неразделимо! Цепким взглядом я словно обнюхивал каждую малейшую деталь, что составляла тогда обстановку ухода её. И будто приходил в себя, после Москвы особенно ясно сознавая то, что здесь получилось: «Вот, что ты наделал!..»

К чугунному парапету стенки причала вольно сбежалась налегке группка старшеклассниц, оглашая причальную площадку оживлёнными репликами, – должно быть, вышли на перемене прогуляться. Значит, школа тут где-то рядом.

Я встrepенулся. Время, по моим прикидкам, подходило к концу первой смены – как раз эту школу подоспею проверить. Искать не пришлось: на площади за вокзалом разбрелись по домам ребяташки младших классов, размахивая портфелями, ранцами, – и откуда они тянулись подсказывало, куда идти мне. Вскоре, за ближайшими к площади домами, во дворе я обнаружил и самую школу со спортивной площадкой необычно перед фасадом. С краю площадки, у призаборных кустов, кучками стояли в трико и майках рослые девчонки, поодаль пасовались мячом ребята в ожидании урока физкультуры. Сразу пересмотрел всех этих девчонок, затем встал в стороне от калитки школьного забора и всё внимание – как из неё высыпала уже отучившаяся детвора.

И вот первое, чего даже предположить я не мог, когда представлял себе это в Москве: чем дольше я стоял у школы, тем сильнее чувствовал неудобство своего положения – оттого, как оно может показаться со стороны. В самом деле, что за странный обросший тип с бородой, с сумкой через плечо? – стоит и глазеет на всех, кто выходит из калитки, да ещё то и дело озирается по сторонам! Кого он тут высматривает?.. Правда, никто, как будто бы, не наблюдал за мной, и всё же не оставляло ощущение, что я привлекаю чьё-то прищуренное внимание. «А может, я жду свою дочку-первоклассницу! Кому какое дело! – вскипал оградительный протест. – Нет, это надо перебороть, подавить в себе!» И ещё одно в этой пробной проверке мелькнуло: а вдруг не узнаю или прогляжу! Ну, «не узнаю» – положим, исключено. А вот смотреть надо, конечно, в оба, и чуть в ком сходство – тут же идти следом и всматриваться. В сущности, гораздо больше это первое стояние обнадёжило меня. В чём я уверялся, живя и крепясь

мыслями об этом в Москве, теперь дало силу яви: да, именно это и ничто другое, – разумное, ощутимо реальное.

Как только поток выходящих из калитки иссяк, я решил сразу заняться поисками школ – и начать, естественно, тут же, в районе Речного вокзала.

Энтузиазм и весёлость, с какими я собирался к отъезду в Москве, здесь придали мне силы необыкновенные. Я носился по улицам не чуя ног, на ходу всё замечал, смекал, угадывал, будто что включилось во мне. Над всем и над собой походя с задором подсмеивался, всё легко, иронически оценивал, моментально ориентировался – тут помогали и хождения того приезда. Была уверенная программа цели, а не беспомощно-суетливое шарение глазами по сторонам. И от этого захватывала восхитительная свобода действий...

В первый день находился в усталь. Но эта усталость не вызывала уныние, как в тот приезд, – в ней был результат: уже семь школ Комсомольска и близлежащих посёлков. Дело пошло.

Вечером я вышел на причал прогуляться. Незаметно вкрадывались сумерки, с воды вздохами обдавало пахнувшей водорослями сыростью, воздух свежел, и хорошо было сидеть и смотреть вдаль на водохранилище, на зажигающиеся огни плотины, шлюзов, на Жигули, отчуждённо царившие над всем этим простором воды, жилья, сооружений, – и думать о том, что ещё предстояло сделать в ходе поисков, думать о ней... В привокзальном ресторане пела кафешантанная певичка под громыхающий джаз-банд, между песнями в перерывах слышался возбуждённый гул застолий, перезвук вилок. А на причальной площадке в слабом отсвете вокзального помещения стояли и сидели парочки, бродили под ручку вдвоём и по нескольку девицы; компаниями, заполнив лавки или шатаясь беспутно, повесничали парни. Это была увеселённая ресторанной музыкой «точка гуляния» в Комсомольске, притягательная ещё и таинственной в темноте близостью огромной воды, тихо чмокающей здесь в причальную стенку, и огнями непрерывной работы на этой воде тоже огромного сооружения.

Сейчас, когда настали спокойные минуты первого опаматования, я чувствовал, что всё во мне вновь всколыхнулось, – и увидел от этого, насколько всё-таки выпцвело моё изначальное наболенное ощущение этих мест жизнью в Москве; занесённое пылью дней, стало «образом восприятия», который я безотчётно воспоминаниями частыми ещё ретушировал. Здесь же всё снялось, я возвращён в чистоту бывшего. И слышал в себе состояние рождества, как свечение души. Ведь теперь я знал, что тропы мои все мечены, и что одна из них мне уже определена. Оставалось только напасть на неё.

В этот вечер знал я уже и то, что если не найду – только потому, что не успею в этот приезд, – через месяц-полтора приеду опять. А пока начну искать, как начал поиски школ, прямо с этих прибрежных посёлков, а что останется времени – уже в Тольятти...

На следующее утро, вновь полон энергической лёгкости и жажды и азарта поисков, я отправился на дальнейшую разведку, представляя по дороге, как она сидит сейчас, ни о чём не догадываясь, в одной из школ, какие я уже знаю или узнаю сегодня, завтра, – уже она в этом круге, который замыкается, должен замкнуться. И вдруг, как гром, подозрение, о чём и помыслить я не мог: «А домой ли она приехала тогда! Не в гости ли? Ведь было ещё начало августа – вполне же могла на месяц приехать, скажем, к бабушке, как и я!» Шальная эта мысль в первый момент страшно осекла всю мою готовность, все усилия, как преградила путь; а главное, опять поднялась угроза никогда больше её не увидеть – и это после-то обретения уверенности и уже привычности даже не сомневаться, что найду, увижу! Будто стреножило меня, еле шел. И ничего не приходило на ум против этого возможного коварства, ничего! Пустыми отрицаниями я тщился вернуть себе спокойствие и бодрость. «Во всяком случае, в гости или домой она приехала сюда, всё равно я смогу узнать только здесь, проверив все школы», – размыслил я наконец. Конечно, не исключены случайности: не дай Бог, она болеет в эти дни, или почему-либо придёт ко второму уроку – бесполезно было принимать их в расчёт, но сознавать их я

боялся. Второй-то случай не беда – в конце концов, можно гулять у школ до второго и до третьего урока. А – если болеет? Или ещё что?.. Тут уж судьба не судьба!

То, что иного выхода нет, вернуло мне силы действовать, но не былую уверенность. Всё оставалось шатко, двойственно: отвратно было всё же обнаружить, что не от всех, оказывается, неожиданностей может защитить и сам этот действительно беспроницаемый способ поисков. На ходу стал вспоминать, как она уходила: с мальчишкой, в руках ведро, сумка (как сейчас вижу)... никто не встречает. «Нет, скорее так возвращаются домой, чем в гости приезжают», – сразу непроизвольно пришло так, и уже хотелось этим впечатлением памяти смешать, заглушить подозрение и просто верить, что да, конечно, она домой тогда приехала, верить не мучаясь сомнениями, что она где-то здесь и сидит сейчас на уроке в какой-то из школ.

С тем в течение дня и улеглось. Ушедши весь в поиски школ, я уже воспринимал всё так, как будто её жизнь где-то в этих местах – само собой разумеется... В этот день я изучал правобережный район Гидроузла, и прежде всего Жигулёвск.

Ещё с прошлого, впопыхах, наезда сюда затеплилась живительная симпатия сердца к этому городку. И сейчас такое же проникновение к нему и вновь ощущение, что вот здесь она очень может быть – какое-то особенное здесь, благодатное приволжское дремное спокойствие, тихость крон зелёных, уже где-где зажелтых. Идешь и отдыхаешь. Школы отыскивались легко, часто признаком их были разбредающиеся ребяташки в форме, с портфелями, мешочками для сменной обуви. У них же, мимоходом, я разузнавал, какой урок кончился, в котором часу начинаются занятия, в какую смену учатся старшеклассники (везде только в первую, оказывается); записывал в тетрадку, высчитывал время уроков с учётом перемен – и всё это с видом ответственного какого-нибудь научного работника – так, во всяком случае, должно быть, смотрелось со стороны. С каждой найденной школой росли, вопреки утреннему смятению, надежда, предприимчивость, удовлетворение.

Затем на автобусе, старом, разболтанном, – поставил уж крайним пунктом здесь – до Морквашей. Посёлок сей, пропылённо-серый и как-то нерасполагающе вытянутый рядом с какими-то не то базами, не то складами, сразу не приглянулся. «Здесь ли?» – апатично озираю я его, пытаюсь, как и везде, установить вероятность её по характеру места. Но... не откликлось впечатлением. Две школы, небольшие, одна обшарпанной другой, пополнили мой список. Обрато до Жигулёвска решил пройти пешком, чтобы не пропустить почти сплошь заселённые места. Это уж так, «отбыл повинную», можно сказать.

Под вечер, возвратясь на левобережье, ещё заехал в посёлок Жигулёвское море, памятный тоскливым впечатленьем в последний тоскливый час того приезда. Всё-таки нет, здесь вряд ли. Но сам метод мой обязывал – записал и здешнюю, единственную школу.

Вечером я воодушевлённо колдовал над своей тетрадкой. Итог двух дней – все школы обширного района Гидроузла. Это по две школы в день – только-только успею в отпущенные мне здесь дни, если начать завтра. А именно завтра же и начать! Составил график – когда у какой школы дежурить. Ни один час не должен быть потерян: утром проверяю приход в одну школу, днём – конец первой смены в другой; во второй половине дня поиски школ в Тольятти, ещё мною и не проведанном, – это уже на следующий приезд, если не успею теперь. Впрочем, и к Тольятти старому я относился всё более скептически – то ли оттого, что узнал эти прибрежные места, которые, по близости к Волге, мне самому были милее; то ли вернейшее, чем рассудок, чутьё души – где-то здесь, казалось, в одном из этих посёлков (да скорее хоть в тех же Морквашах) она только и могла жить, моя девочка.

Снова и снова просматривал я свой график, как командующий проверяет по карте тактическое расположение войск накануне боя, и удивлённо сознавал и готовил себя к тому, что уже завтра (в который раз это *завтра!*) у одной из двух первых намеченных школ, представь себе, вникни, – могут прекратиться все поиски, все тревоги – уже завтра! Отвлечённый за эти дни беготнёй выискивания школ, я вдруг увидел словно невероятное – что вплотную прибли-

зился к главному, чего ради всё это, от возникновения идеи до нынешнего дня, созревало и делалось. И моментальным волнением предсчастья ополыхнуло меня...

С вечера наказав себе не проспать, я проснулся едва развиднелось. «В душе моей торжественно и чудно», – сразу нашлось как-то созвучное «осебаченной» лермонтовской строкой – и вновь занялось вчерашнее волнение. Напомнив себе, что намечено на сегодня, я вскочил одеваться: надо было прийти к школе как прилежному дежурному – самым первым.

Настроение нервически-приподнятое, и погода за меня – солнце начиналось ярким, ещё холодным сиянием; час ранний, бодрительно.

Придя к намеченной на утро школе, я выбрал в кустах у газона позицию наблюдения наиудобную, так, чтобы не быть на виду, но самому хорошо видеть достаточно небольшую часть тротуара и воротца школьного забора. Улица ещё пустовала, редкие прохожие да иногда троллейбусы нарушали тишину... Вскоре начали стекаться школьники – сначала один-другой, потом всё чаще, оживлённее, и вот пошли, пошли потоками со всех сторон. Младших многих провожают родители, старшекласники же идут, кто сам по себе, кто вдвоём-втроём; по пути встречаются и ещё до школы входят в свои особые, столь многое предвосхищающие отношения, которых вся подноготная так мало понятна, да может, даже едва известна и учителям, и, подавно, самим родителям. Девчонки идут иногда целой гурьбой, едва успеваешь напряжённо переглядывать их... Перед самым звонком поток редеет, и вот, уж опять одиночками, бегут опаздывающие.

Так вся первая смена школы прошла перед моими глазами. Мне открылась часть всего школьно-возрастного населения этих мест, и пусть таких «частей» наверняка множество (если с учётом Тольятти), число их всё равно ограничено количеством школ, которые со временем обнаружатся все – и неизбежно, неизбежно в одной из таких вот частей есть *она*.

Я покинул свой «пост», когда уже шёл первый урок, – и был совершенно твердо убеждён, что я просто *должен* найти её, предопределено... «если она здесь живёт, – опять лукаво напомнилось, – а если всё-таки...?» Снова эта дьявольская оговорка! И теперь сколько угодно снова мог я горячо-пристрастно перепоминать, *как* она уходила, последние минуты её на виду у меня, и сколько угодно мог твердить, что «да, конечно, здесь, где-то здесь она», – но уже не складывалось такое несомненное впечатление. Мысль эта оказалась как заноза – уколола, приутихла, но не «вылезла». И вот, стоило только задеть – снова засадило.

На этот раз и отвлечения дня не заглушали беспокойства сомнения. Проверил вторую школу, ездил, по намеченному, на поиски школ в Тольятти – но всё это не по горячей тропе, лишь по инерции. Правда, держа хороший темп, и не позволяя себе думать об угрозе неудачи, я всё-таки приразвевлял мрачность настроения, была только какая-то смиряющая физическая усталость. Возвращаясь в гостиницу, я с удивлением заметил, что уж совсем хороню в дурном предположении свою надежду, и обрадовался именно этому удивлению – в нём-то, пусть смутно, в глубине затаённая, интуитивная надежда мне и сказалась вновь. «Да, – воспрянул я, – было бы тебе слишком пустяшным делом это, искать зная наперёд, что найдёшь. Никаких опасений – ходи только к школам, как на работу, и тебе оплатится в своё время. А ты ищи и без знания, что найдёшь, но с *верой!* Вот тогда – будет! Фома неверующий...»

Вечером, сидя на набережной, я уже чувствовал, что готов, в случае неудачи здесь, искать её так же по школам и в Горьком. Представить это, конечно, страшно. Но само умозаключение, что если она не здесь живёт, где сошла, стало быть, там, где села на пароход, – виделось совершенно естественным. Хотя не мог я всё-таки, поверяя всякое место поисков самим обликом девочки, что находил безошибочным, вообразить её в большом городе. А тогда... что же там было у нас из остановок до её появления на палубе? Работки? Только лишь Работки? – село сомасштабное какой-нибудь местной Фёдоровке!.. Уже зрели планы обширные и отдалённые: посвятить поискам её, если ближайшие окажутся впустую, целиком свои отпуска этих двух лет, пока она учится. И готовность такая опять запалила меня воодушевлением, я набрасывал в

голове те будущие поездки и уже рисовалось и виделось что-то заново великое, разгульно-бродяжническое, что-то родное – ведь на Волге же, – и тогда-то уж, по той же идее, несомненно спасительное. Возможность этого в будущем была для меня уже решена, но кроме того, я увидел по тому, как подействовало, – насколько эта новая перспектива была необходима мне для утешения и укрепления духа *сейчас!* Как прощённый ребёнок, я с облегчением восстановленного в душе мира истовым сердцем обратился теперь к моей девочке, и подхватила и изумила мысль: «Это уже сейчас она так владеет мной, что порой я собой не владею при мысли, что не найду, или вспоминая *те* моменты последние; это теперь она уже такое для меня, что я даже не замечаю, как живу не сам по себе, а относительно *её* существа! А что будет через год-два, когда она начнёт обретать девическую стройную плавность и осознание себя как женщины? Какая она будет года через четыре! Мм!..»

И уверен был, что *её* – я всегда узнаю...

...Едва открыл я глаза на другой день как увидел, что погода испортилась. Всё переменялось ночью, и теперь чуть моросил мелкий дождик. «Только бы совсем не расквасилось, подержалось ещё», – просил я, поглядывая в окно.

Сегодня на утро – посёлок Жигулёвское море. Только встал поукромней в сторонке под деревьями – потянулись по одиночке самые ранние, заспанные. Дождик здесь начался недавно, земля ещё сухая. Деревья, шуршась от накрапывания, покорно чуть подрагивали ржавеющими листьями. Одиноко и нехотя слетали с крон отжившие листики, упали растерянно, приникали к земле. Во всём чувствовалась какая-то робость, сонливая нерешённость... Перед самым звонком пошли дружно, шевеля время, и появилось ощущение, что жизнь вспомнила, наконец, про меня. Вставал я здесь всё-таки с надеждой, а теперь казалось, что как раз вот здесь девочки и не может быть – она в одной из тех, непроверенных школ. С облегчением покидал я посёлок этот, словно после исполнения неприятной обязанности вырвался на свободу.

До дневной проверки вернулся к Речному, намереваясь перекусить. И словно подоспел – как раз к прибытию парохода нашего рейса. Он уже медленно подчалывал, на палубе собралось несколько человек пассажиров. И в памяти сразу *то* утро. Вот, вот: команды вахтенного, управисто орудующие канатами матросы, гроыхание установки трапа, выход приехавших – ах, всё это было так! Всё это так вкусно, так свежо волнующе для меня здесь! И я подумал: вот сейчас ищешь, мечешься – а ведь совсем другим занят! И я, и она – тогда *на пароходе были*; а этого пароходного-то, милого обособленного, магически особенного присутствием *её* – *этого* уже не вернёшь. Странно теперь даже – была ведь столь простая доступность *её* тихого присутствия в том пароходном мирке... да как возможно *ей* быть где-то здесь, в этом огромном, далеко ушедшем и совсем другом мире! Как? – ответьте мне...

Днём поехал в Фёдоровку. Дождик так и не разошёлся, к середине дня незаметно перестал; но воздух был влажный и паркий. После парохода никакого напряжения у школы, что вот выйдет, вот увижу, – растравлен дыханием *той* действительности... Кроме того, столько хождений который день подряд – это уже, уже утомляло. Утомляло и душевно. Все эти поездки к школам и выстаивания на карауле, а затем поиски школ тольяттинских всё более испытывали на выносливость, а надежда с *огня* – может, вот сейчас увижу! – истлевала в однообразии и привычке внешних действий.

В этот день я вернулся раньше обычного, никуда больше не поехал... Сегодня как будто призрак *того* утра явился мне и это повернуло меня душою. Да, для будущих исканий мне надо знать школы в Тольятти, это исходное условие успеха, – но важнее, куда важнее не потерять за внешними усилиями то истинное чувство *её*, которое, пожалуй, впервые буквально воскресло во мне от зрительного попадания в *то* утро потери. И отстранясь от рысканий по городу, сейчас для меня просто невозможных, я решил в этот удлинённый вечер дать душевный выход в себя. Я гулял по набережной, заходил в здание вокзала, смотрел на расписание всех наших

стоянок и вспоминал, как это было тогда; снова прогуливался. Потом сел на скамейку у цветника набережной, перед понтонным причалом местных судов, в стороне от основных.

Утреннее напоминание томило. Всё, что получилось и удаётся делать, стало как бы заданным, далёкой придуманной программой; а то, что *она* в такое же вот утро у меня на глазах ходила по пароходу – это непостижимое только сегодня вошло в меня призраком реально бывшего и подтвердило память: да, *было!* Вот примерно на этом расстоянии от причала, как сидел сейчас я, был наш подходивший пароход, когда я стоял в пролёте, ещё до переполоха, и смотрел ей в спину – так, что она обернулась. Если б она тогда скрепилась, не повернула головы! Этот момент мучительней всех других застрял во мне. Меня звал, был всё время передо мной в Москве между поездками и бередил тот последний взгляд её.

Будет ли мне свет – увидеть её?..

Я глядел в сумрачную мгlistую тишь той, горной стороны, где за ГЭС едва померкивали между тёмными силуэтами гор огни Жигулёвска, и обратил внимание на яркую и продолжительную кварцевую вспышку на склоне горы Могутовой. «Сварка, что ли? – удивился. – Что это, до сих пор работают?» Через некоторое время вспышка повторилась, но теперь вроде смещённо и вроде уже не на склоне горы, а ближе, в пространстве. Усугубляясь этими вспышками, назревала чем-то подозрительная тьма; внезапной волной холодно взветрило – тоже показалось неспроста. И это возбуждало щекотную весёлость и задор. Пусть будет что будет и сегодня со всей округой, и все эти дни со мной, – а сейчас я уйду в тепло, в благодущие здешних своих вечеров: устроюсь поудобней на кровати с чаем, с книгой, и уж чего там будет больше – чтения, или *её* в эти часы перед сном, – но будет чудесно... А с судьбой нам надо отдохнуть друг от друга – до завтра.

Часы перед сном у меня вышли действительно хороши; я и не вспоминал о том, что творилось за стенами гостиницы. Только когда услышал глухой далеко дробящийся шум, как будто обвал, тут же вспомнилась и вспышка в горах – э, то была не сварка, и темнота недаром странно мутилась. Теперь вспыхивало в окне уже, и всё чаще и сильнее, а вслед всё ближе и гневней погромыхивало. Всё чаще и я подстрекающе весело взглядывал на окно и слушал. С приближением ночи властно приближалась гроза.

Уже когда легли и грузин, накрыв голову подушкой, чтобы ни гроза, ни включённое радио ему не мешали, тут же заснул, а ещё подселённый накануне – обходительно-разговорчивый шофёр из Ленинграда – погасил свою настольную лампу и, привернув звук, дослушивал последние известия, сам тоже засыпая, – она подошла. Я смотрел как нервная тьма окна непрестанно конвульсировала страшными вспышками и даже не успевал ждать удара – он тут же вспарывал тишину арбузным треском и всёсодрогающим грохотаньем. Казалось, небо раскраивается по швам на гранёные глыбы и они лавиной укатываются, грузно подпрыгивая, дробясь и заваливаясь вдали. Удары то обрушивались сплошной цепью, перекрывая один другой, то запальчиво перекликались с дальними, умолкающими. В ожидании особенно сильных для слуха приходилось всё время быть наготове, каждый раз невольно съёживаясь. Дождь вроде шёл и не шёл – наконец, разрешилось: хлынул потопный ливень.

А по радио, которое забыл выключить уже похрапывающий ленинградец, начался ночной концерт – ансамбль скрипок заиграл 24-й каприс Паганини. Сквозь помехи грозы броско и решительно пошла тема, вступая в сраженье с шумовой оргией. Молнии рвали через эфир упругую дерзкую плоть мелодии, но мелодия проридралась в хрипах динамика всё экспрессивней, с виртуозной удалью. Захваченный этим неистовым поединком музыки и грозы, я смотрел, как из тьмы поминутно слепяще бросалось в глаза окно – бесноватые молнии плясали вокруг гостиницы, норовя попасть в неё, восстающую музыкой. И всё это: и раскаты грома, и бурно шипящий фон ливня, и деловитое плотное журчанье потока под окном, и блистанье молний, и, наконец, эта музыка, даже царапающие её хрипы, – всё сообща словно показывало нам, людям, единое и вечное действо, которого мы искони есть фатальные участники, но спим, спим... и

не знаем, – а это над нами, это – о нас. Мне нечаянно, потому что я ещё не заснул, увиделась, а несравнимо полней услышалась целая драма всей жизни так величественно и могуче, как может явить только сама природа, таящая в себе все средства, все связи. И я, дрожа в лихорадке душевной возбуждённости, я мог лишь с детским восторгом бессильно повторять: спасибо, спасибо, спасибо...

Каприз Паганини закончился, и я встал и выключил приёмник. Центр грозы уходил, гром бубнил уже в стороне, уже реже белесо взмигивало окно, но ливень не стихал. Его полновесный шум и частая ритмичная капель по жестяному карнизу окна снимали возбуждённость и убаюкивали. Стало как-то утешенно и безмятежно-прочно ощущать себя в мире, таком сейчас родном первой чистотой ранних, давно забытых впечатлений. Теперь надо поскорей заснуть – завтра снова к очередной школе, независимо от погоды. «И она, может быть, слышала эту грозу, не спала. Мы через природу единимся, живя одними явлениями, – воображал я радостно. – Уже одно это... Чувствует ли она?, но не подозревает... каждый день...»

Утром первый взгляд мой был к окну – в нём светлеюще чисто синело. День готовился хорошо. Всё ночное буйство будто только приснилось. Я сразу вспомнил мысль, на которой вчера заснул: да, в самом деле, чувствует ли она смутное беспокойство, или хоть какое-то внутреннее напряжение от чьей-то посторонней, каждый день неотступно обращенной к ней волевой деятельности? Сказывается ли как-то на её состоянии ей, конечно, совершенно неведомое, но что носится над ней: что со дня на день может случиться наша встреча? Помню, и в первый приезд меня занимала подобная мысль. Так хотелось верить сейчас, что есть, есть эта таинственная связь, эта некая зависимость.

Итак, сегодня – Жигулёвск. Вышел – асфальт местами ещё сырой от потоков, кое-где лужицы. Утро забирало холодом, только в автобусе, стиснутый со всех сторон едущими на работу, я скоро согрелся.

Встал перед школой, намеченной на утро. Шли ещё с ленцой, самые первые... Да, вот здесь, в этом маленьком уютном Жигулёвске, она – могла бы жить, опять так ясно и тепло всё здесь окликалось душе. Вот они тут и Жигули, у их подножья вся здешняя жизнь, и вернее пахнет близостью Волги – Волги, а не водохранилища. Да и сам городок такой: кажется, раз обойдёшь и уж всё тут вроде своё, как будто давно знакомое. Тут могла бы она быть! А я и здесь не испытывал того взвинчивающего ожидания, привычка ль вправду усыпила сердце. Но от неловкости наблюдательного своего присутствия освободиться так-таки и не мог, вот не привыкалось... Повторилась обычная картина, после которой всякий раз я с удовлетворением, хотя и всё более отвлечённо и спокойно, отмечал, что вот – от сонных одиночек до общего бодрого хода, и уже последних, бегущих под звонок, – мне продемонстрированы все школьники первой смены, и в какой-то вообще из таких «демонстраций» неминуемо на глаза попадётся *она*. Это принималось с гарантией точного математического расчёта, в котором умом я был уверен, умом... души не хватало.

Так, с лёгкостью зачеркнул я и эту школу. Дождаться последних уроков утренней смены пошёл к другой поближе, намеченной на сегодня, – в опрятный тихий скверик за трибунами центральной площади.

Развивался мягкий солнечный день. Клумба в середине скверика, вчерашней грозой ли напоена, огнилась ярко-бордовой шапкой пионов, а желтеющие кусты и деревья по бокам аллеи словно в старческом забытии отпускали на землю по листочку, – не вдохнулся в них ночью последний жадный прилив жизни. Я сел в глубине сквера на солнечной стороне аллеи, где скамейки уже подсохли. Слегка даже пригревало. И так беззаботно о чём-то скользя думалось, мнилось, миротворно гляделось вокруг, и в себя.

Прозвенел звонок пронзительно на всю улочку, прилегающую к скверу, из-за угла дома высыпали на перемену крупные жеманно-озорные девчонки, старшеклассницы, все в одинаково черно-коричневой форме: прохаживаются под ручку прямо по мостовой, некоторые

побежали на угол площади, возвращаются с мороженым. Невольно вглядываюсь, тоже уж привычка. В сквер ворвались ребята, захватили скамейку напротив меня через цветник, спихивают друг друга, усаживаясь на спинку, ногами на сиденье, гомоня закуривают. Всплеснулся покой: возня, смех, перебранка. Ещё вышли к цветнику в начале аллеи отдельно три девчонки – одна, самая рослая и интересная, с игривой улыбкой открывает фотоаппарат, налаживает.

– Дала щёлкнуть! – цепляет кто поближе со скамейки.

– Перебьёшься! – не глядя бросает она.

– Ух ты, стервь!

– Да она не знает, куда смотреть, – подкальывает другой.

– Держишь-то кверху ногами, ху-ху ха-ха!

– Так задумано! – с презрительной гримасой к ним.

– Твой, что ль, агрегат?

– А он настоящий? Даёт картинку?

– Спокуха! Да! – выпаливает, потеряв терпение, и все трое отходят в сторону, с этими оглоедами разве поснимаешь.

Но опять звонок – бегут обратно, ребята с улюлюканьем за девчонками, те с визгом от них; кто и не торопится – подумаешь, опоздаем!.. И снова прибирается тишина. Правда, ненадолго: ведут на прогулку детвору из детского сада. Скверик оглашается звонкой разноголосицей пестроцветной толпы маленьких человечков, слышатся организующие возгласы воспитательницы. Молодая женщина, подводит свою паству к клумбе, что-то рассказывает, поводя рукой на цветы; затем даётся детям свобода играть на дорожках и они разбредаются, снова наполняя сквер щебетливым гамом.

Я достал тетрадку – ещё поизучать, что из школ осталось и где, у каких стоять завтра. Потом мысли на Тольятти: сегодня снова ехать туда, прочёсывать улицы и дворы, снова улицы и дворы... улицы, дворы... На грани уже забывтья слышу за своей скамейкой радостно сообщительный голос девчурки:

– Слушай, Марин! Красота – красота, – залог здоровья.

Умная твоя головка, кто это так в тебя заронил?

– Дети, дети! По сырой траве не ходить! – тут же взрослый окрик. – Играйте на аллее! Марина, Лена!

Упорхнули со смешком. Оглядываюсь удивлённо вслед. Уже по дорожке, держа в руках букетиками жёлтые и красноватые листья, уходили от меня две подружки в мокрых по шиколотку, ярких чулках, в коротеньких платяицах. Которая же из них Лена?.. Вскоре воспитательница построила детей парами и повела к площади.

Я сидел, расслабляясь на ласковом солнце, и думал, что вот и скверик этот уж не забуду. В моём паломничестве *к ней* вообще больше суеты движений, да и суеты мыслей. Только вечерами отдых на набережной, у причала, – когда мысль очищается и осветляется. А здесь вот кажется и невозможной суета. Как-то особенно мне было здесь уютно, отдохновенно...

Но настало время идти. Сюда я ещё обязательно вернусь (ведь завтра – опять в Жигулёвске), а сейчас пора к школе. Она была рядом: обогнул Дворец культуры «Гидростроитель», пересёк небольшую площадь перед ним и на углу двух тенистых, почти под сомкнутыми кронами, улиц вот оно, за изгородью среди кустов, – старое, двухэтажное жёлтое здание. Тут же на углу как раз и автобусная остановка – стоять здесь будет естественно, – и от неё хорошо просматривается чуть в глубине улицы калитка. Этот уголок Жигулёвска был уже немного в стороне от городского, и так-то очень слабого, движения и оттого ещё тише, ещё спокойнее дремал себе: когда-когда завернёт сюда по маршруту старообразный какой-то автобус – отфыркивается, отпыхивается не спеша на стоянке – и снова сворачивает к улицам полуднее. Я то стоял, то прохаживался взад-вперёд в рассеянном ожидании конца урока, порой машинально озирался по сторонам, – и так по душе опять пришлось мне и на этом пятачке, так благодатило

забыто безмятежным, от всего хранящим уютom детства, что было жаль, да, жаль до грусти, что уже и эта школа вычеркивается – с пятого урока проверил, вот-вот кончится шестой. Онемелая надежда моя, как и у школы утренней, почти не пробивалась волнением в настоящие минуты, – когда-то потом, в неясности будущего, мыслилось её усыпленное осуществление. Но покидать этот благословенный уголок не хотелось. Здесь бы вот жить да жить!

Солнце вольно висело над крышей Дворца культуры и поливало пустынную площадь белым тёплым светом, даже припекало. Тихо, на перевале замер день... Какое-то время я стоял что-то задумавшись, потом очнулся с непроизвольным вскидом головы на площадь и увидел единственно двух совсем молоденьких девушек, вернее девочек, идущих в мою сторону. Меня вдруг затрясло всего – *ОНА!!!* Она, она, она, она! Конечно, она! *Вот, вот* она, надо же! Идёт через залитую солнцем площадь прямо на меня *та самая* девочка – та! парходная! – только в светлом голубыми цветочками лёгком платице. Её лицо! Незабвенное её такое лицо – неужели вновь вижу эти черты? и каштановые длинно-вьющиеся волосы! и хрупкую её фигурку! – смотрю, смотрю неотрывно. И глаза ли, выражение ли такое было у меня, то ли и она узнала – и она шла и смотрела на меня. Боже, какое это было чудное, поразительное виденье! Как только они приблизились и она, идя с моей стороны, всё не сводила с меня глаз – а уже сейчас пройдут, – я с усилием шагнул к ней:

– Здравствуйте!

Она живо отступила за толстую, повыше её, подругу.

– Я вас не знаю! Что вам надо? – проговорила так быстро, нервно-звонко.

– Как же... а тогда... мы плыли на одном пароходе, помните?

– А-а... – смягчённо едва вырвалось у неё и в этом звуке мне показалось что-то откликнувшееся, узнающее. Да, она узнала.

– Ну и что же? – опять взвинченным тоном.

– Да нет, я... хотел просто... поговорить с вами.

– О чём говорить?.. Говорите. – В каждом её слове напряжение, почти враждебность.

Мы шли по тихой пологой улочке мимо школы, уже ненужной (уже все ненужные), я пытался перейти на её сторону, но она всё перебегала за подругу. Получалось, я к ней вроде приставал, как какой-нибудь пьяный, или просто развязный тип. Говорить, всё объяснять при этой ухмыляющейся толстухе?

– Можно вас на минутку? Я это... наедине...

– Еще чего! Говорите здесь, что хотели... Да нам не о чем говорить. Отстаньте!

Она казалась испуганным зверьком, который огрызается на протянутую руку. Я всё больше терялся, чувствовал, что что бы ни сказал – глухая оборона, непробиваемо. Да и вообще ничего похожего, ничего! Меня охватила слабость, нить рвалась. Я как приговорённый, заминая страшное, спросил, чтобы только не молчать:

– Вы ведь в восьмом классе учитесь?

Она усмехнулась подруге:

– Ну в восьмом. Как это вы догадались?

– Действительно, на нас не написано, – иронически подхватила подруга странно зрелым для её возраста голосом.

– Да так... это не сложно... Просто угадал.

– Ах, угада-ал! Может, вы угадаете, куда мы идём? – с ухмылкой обращаясь больше к ней, опять куснула всё уже оценившая и осмелевшая подруга.

– Да, и где живём, ещё скажете? – вторила насмешливо она.

– Нет, этого я не знаю, – примирительно сказал я. «Да, всё, крах! С ума сойти!»

– Ну, мы пришли. Дальше за нами не ходите! – снова категорически прозвенел её голос.

Они свернули в короткий переулок. Я всё за ними, совсем растерялся:

– Да подождите же... так нельзя... Мне надо кое-что сказать вам, ну на минутку... я прошу!

Невольно ли на слова мои, на интонацию – она задержалась, сторонясь. Подруга отошла.

– Ну говорите, чего... Не уходи, – подруге. – Быстрее только! Мы спешим.

– Вы знаете... я искал вас... я приехал сюда, чтоб найти вас... Вы так неожиданно тогда сошли с парохода...

– Ну и что! Зачем вы меня искали?

– Как зачем?... – опешил я. – Это получилось так неожиданно тогда... а я... ну, в общем, я не хотел вас терять и... ну, решил найти вас («не то! не так!»). Может быть... м-можно нам с вами встретиться?

– Нет, нельзя! Этого не хватало! Я не встречаюсь... И вообще, больше не ищите меня и не караульте!

– Почему? – глупо спросил я.

– Вы взрослый человек – поймёте! – жёстко отрезала она, взглянув в упор, и я словно ткнулся в стену и увидел, что на этом – точка.

Она пошла. Всё рвалось... я беспamięтно, в отчаянии – за ней, хватаюсь за воздух:

– Как хоть зовут вас?!

– Всё-всё! Вам незачем это. Уходите! Я пошла. – Она словно вырвалась – и побежала к подруге, трясая тёмной гущей волос...

Не помню как – снова в скверике, на той же скамейке. Согнувшись и задыхаясь спазмами. И ничего не понимая. Как это... что?.. Почему? – билось в голове и только свинцовела она, туманилась. Не соединялось у меня: та, парходная, – и эта... при одной внешности! Никак. Никогда, видимо, я эту метаморфозу не смогу себе объяснить. Но одно я понял: её – я не нашёл. И уже не найду. Все земные усилия здесь...

Понемногу далось успокоиться, я больше не разрывался от всхлипов, но сами тихие сочились из глаз. И знакомая жжёность горечи вновь разъедала, уж не заглушить. Постепенно же зрело великое примирение с тем, что оказалось... встали невозможно, невозможно. И – какое-то, вопреки тому, что ли, – горестное бессильное удовлетворение, что всё же увидел, ещё увидел. Ну... что ж, – такую.

А оставлю и возьму с собой, чего уж никто и ничто не исказит, не отнимет, – тот образ девочки с парохода.

1976–1979, 2002

М. Ларионов

Маленькая жизнь

Незабвенной памяти отца

Под полуденным солнцем одни, окружённые зарослями буйной кладбищенской зелени, через низкую оградку склонились двое. Скромно, но не запущенно выглядят и оградка, и железный стандартно витиеватый крест – крашены, исправны. Могильный холмик, оформленный бетонным цветочником, был как и многие другие вокруг, и только из таблички внизу на кресте можно узнать, что не как многие, здесь упокоенные, – а шестилетняя девочка лежит под ним.

Склонённые же над холмиком – её отец и её брат. Мать её не пришла. То, что предстояло сегодня сделать здесь, на могилке, ей, так и не справившейся с утратой, не поручившейся все-лечашему времени (а его утекло уже несколько лет), было бы вряд ли под силу.

Отец с братом девочки уже выпололи траву, влажной весной обуявшую могилку и подступы к ней, поправили, остройнили раздавшийся куст бузины. И прояснела, вздохнула могилка. Рядом, в пятнистой тени, как распеленованные, на газете лежали цветы для посадки.

– Галенька, Галенька, маленькая девочка, – проговорил отец, когда расчистили холмик, и брат насторожился, вслушиваясь в интонацию его голоса, быстро заглянул в лицо. – Ну что ж, давай, – обратился отец уже к сыну. – Вот тебе спички. Цветы потом посадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.